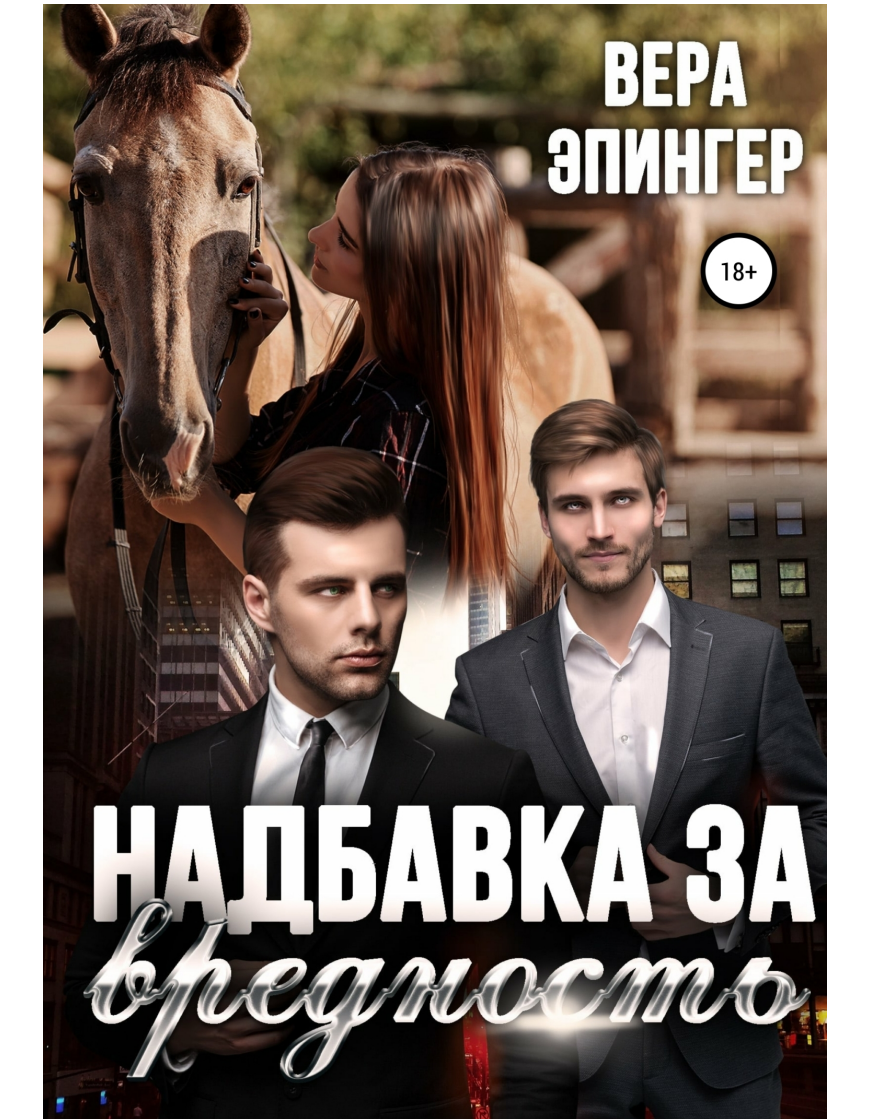

ВЕРА
ЭПИНГЕР

18+

НАДБАВКА ЗА
вредност

Вера Эпингер

Надбавка за вредность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63027007

SelfPub; 2022

Аннотация

О чем я думала, когда соглашалась на вакансию секретаря Кирилла Воронцова, одного из владельцев юридической фирмы «Немезис» и по совместительству талантливого юриста? Ведь шла на собеседование на совершенно другую должность! Прельстилась неплохой зарплатой и шансом увидеть работу Воронцова, а может и почерпнуть кое-чего... Вот только не сразу поняла, что обещанные золотые горы включали в себя надбавку. За вредность. Первая часть цикла "Сказки больших городов" В книге есть: #готовая постигать профессию героиня #профессиональное и личное соперничество двух влиятельных юристов #лошади и милейший ахалтекинский жеребец

Вера Эпингер

Надбавка за вредность

Глава первая.

Я подняла глаза на высотку, сплошь состоящую из стекол, сверкающих в лучах солнца всеми оттенками золотого. Прищурилась, ослепленная ярким отблеском зеркально-желтой поверхности, и, нервно перебрав пальчиками кожаную ручку бежевой сумки, направилась ко входу. Унять расшалившийся пульс не удавалось.

– Не паникуй, Ржевская! Глубже–глубже дыши, – прошептала себе под нос, понимая, что нервишки–то натянуты, словно струны, и вот–вот готовы лопнуть, выдав пронзительную трель.

Мне предстояло пройти первое в своей жизни собеседование. Да не в какую–нибудь шарашкину контору, а в «Немезис», одну из самых крупных и известных юридических фирм региона. И как, спрашивается, меня угораздило выбрать потенциальным работодателем именно «Немезис», чья репутация по странному стечению обстоятельств была и безупречной, и скандальной одновременно?

Сначала, увидев вакансию помощника юриста в один из отделов, я уставилась в ноутбук, глупо выпучив глаза. А как иначе? Да все выпускники нашей юридической академии мечтали занять теплое местечко в конторке, подобной этой.

Но, увы, трудоустроиться сразу же после получения диплома и попасть на хорошую и достойно оплачиваемую должность одновременно – из разряда фантастики, не иначе. Потому с досадным всхлипом удержалась от порыва испытать удачу, отправив резюме. Обмозговав перспективы, открывавшиеся в случае получения должности, и переспав с этими мыслями, все-таки решилась. Каково же было мое изумление, когда на следующий день раздался звонок, и приятный девичий голосок поведал о том, что моя кандидатура одобрена и мне необходимо явиться на собеседование.

Стремительно вошла в бизнес-центр и, заметив внушительную фигуру одетого в строгий костюм секьюрити, растянула губы в неуверенной улыбке.

– Здравствуйте! Мне бы в «Немезис».

– Секунду, – окинув меня хмурым взглядом, представитель службы безопасности связался с кем-то по ушной гарнитуре.

Ожидая ответ, разглядывала просторный холл. Ничего лишнего – царство плитки, стекла и металла. Из общей гармонии интерьера выбивался лишь огромный фикус, ютящийся в стального цвета кадке, стоявшей у самых дверей.

– Офис «Немезиса» на тридцатом этаже, проходите, – позволили мне пройти через турникет.

Оказавшись в чреве лифта, выдохнула. Повода для беспокойства не было, однако противные мурашки, ползущие по спине под тонкой атласной блузой, нервировали и мешали

сосредоточиться. Я уже практически нажала на кнопку, когда начавшие закрываться двери открылись снова.

– Подождите! Уф, спасибо, – нервно улыбнулся растрепанный запыхавшийся парень.

– Да не за что, – пожала плечами.

Тихий писк и лифт плавно потек вверх. Прикрыла глаза, собирая в единую кучку всю свою волю, спокойствие и уверенность.

– Работаете здесь?

Какие уж тут разговоры – больше всего меня волновало предстоящее собеседование, назначенное на девять. Взглянула на циферблат наручных часов – без пятнадцати. Замечательно! Опаздывать я не любила и люто ненавидела это отрицательное качество у других людей. Юрист, впрочем, как и любой уважающий себя человек, должен ценить не только собственное, но и чужое время.

– На собеседование, – кратко ответила я, стараясь вежливо замять начинающийся диалог.

Из-под ресниц заметила, как парень хмыкнул и поправил лямку объемного рюкзака.

Поездка на тридцатый показалась вечностью. Когда раздался новый писк и двери лифта разъехались в разные стороны, торопливо вышла.

– Удачи, – долетело мне в спину.

И тебе не хворать, парень.

– Здравствуйте, вы, наверное, Кира Ржевская? – раздался

уже знакомый мне голос.

Вновь нацепив на лицо приветливую улыбку, шагнула к девушке, сидящей за ресепшен. Лицом "Немезис" оказалась невысокая миловидная шатенка. Я даже удивилась – ожидала увидеть перед собой, как минимум, Фемиду в человеческом обличии, но никак не милую девушку лет двадцати пяти.

– Доброе утро, да, это я.

– Проходите в кабинет тридцать–ноль–семь, вас уже ждут.

– А...

– Не переживайте. Ничего сложного. Вам зададут несколько вопросов, чтобы определить уровень профессиональной компетенции. В комиссии Александра Евгеньевна, наш начальник отдела кадров, и Владимир Витальевич, глава юридического отдела.

– Спасибо, – чуть осипшим от беспокойства голосом поблагодарила я.

Кабинет оказался практически в конце коридора.

– Черт! – недовольное чертыхание и звон бьющегося стекла прервали мое продвижение к возжеленной цели.

Едва успела отскочить от внезапно распахнувшейся двери – высокий мужчина стремительно вышел из кабинета, даже не удосужившись проверить, пуст ли коридор. Заметив, что он не один, поправил галстук и мазнул по мне равнодушным взглядом.

– Елена, вызовите уборщицу! – отвернувшись, громко приказал и, вновь посмотрев на меня, нахмурился: – Вы ко

мне?

Помотала головой. Признаюсь, испугалась. Не сколько того, что меня чуть не пришибло черным полотном двери, а того, с кем состоялась незапланированная встреча.

Не узнать Кирилла Воронцова мог только человек, ни разу в жизни не читавший прессу и не видевший ни одной телевизионной программы. Пожалуй, стоит сказать, что Воронцов не только являлся одним из фактических владельцев «Немезиса», но и считался не самым последним юристом в стране. Если быть точнее – его имя было равнозначно выигранному делу, удачно заключенной сделке и отсутствию проблем. Одним словом, «звездиться» господин Воронцов имел полное право.

– В таком случае будьте осторожны, – оттаял он и, вдруг улыбнувшись, добавил: – Двери здесь частенько летают.

Не смогла сдержать ответной улыбки. И почему журналисты описывают его монстром?

– Спасибо за совет.

Воронцов кивнул и скрылся в кабинете. Мне ничего не оставалось, кроме как продолжить свой маршрут. К счастью, никто из кабинетов больше не вылетал и до пункта назначения добралась живой и невредимой.

– К черту, – шумно выдохнула я и, оправив черную строгую юбку, постучалась. Подождала несколько секунд и только тогда заглянула:

– Можно? Я Кира Ржевская, на собеседование.

Взгляд остановился на длинном прямоугольном столе, за которым сидели двое. Женщина лет тридцати пяти в очках с тонкой оправой и мужчина постарше, встретивший меня внимательным прищуром.

– Проходите, – строго откликнулась Александра Евгеньевна. – Садитесь, сумку оставьте на кресле.

Благодарно кивнув, исполнила сказанное и скромно села на краешек стула, сложив руки на колени.

– Итак, Кира Георгиевна, мы просмотрели ваше резюме. Вы закончили академию в прошлом году, но решили трудоустроиться только сейчас. Почему? – и Владимир Витальевич цепко уставился на меня.

Подавив волну негодования и раздражения, – всегда ненавидела, когда на меня так пялились – поправила темно-русый локон, выбившийся из прически:

– По семейным обстоятельствам я некоторое время не могла работать. Как только обстоятельства отпали, то сразу же начала просматривать вакансии.

– У вас диплом бакалавра. Планируете повышать степень квалификации и поступать в магистратуру?

Пришлось признаться честно:

– Хотелось бы, но, к сожалению, пока нет финансовой возможности. – И тут же торопливо добавила: – Но после трудоустройства планировала поступать в следующем году.

Александра Евгеньевна вопросительно изогнула темную, почти черную, бровь.

– Почему вы не указали место прохождения производственной практики?

Я замялась. Не говорить же моим экзаменаторам, что на самом деле никакую практику я не проходила? Стоило сказать огромное спасибо за это одному человеку. Не он – так я бы не чувствовала себя сейчас, полностью севшей в лужу.

– Я занималась в клинике при академии, гражданско–правовой, – наконец, придумала, что сказать. Ладони вспотели – лишь бы они не стали проверять!

– Хорошо, – хладнокровное лицо руководителя юридического отдела не выражало ни единой эмоции. Плохо, очень–очень плохо. Нельзя было сказать, что я шла по жизни таким забитым зверьком, каким предстала перед начальством «Немезиса». Совсем нет, наоборот, я всегда считала себя довольно уверенным в себе, решительным и настойчивым человеком. Только вот перемены воспринимала с подозрением, потому в такие моменты сильно волновалась и переставала верить в себя.

Грела мысль: раз меня пригласили на собеседование, то бумажки и резюме, отправленные в фирму, работодателя устраивали. А значит, тянущиеся вопросы о моем обучении и прочее, прочее, прочее – лишь дань формальности, не более.

По моим прикидкам комиссия мурыжила меня около получаса. Начальник юридического отдела оказался человеком дотошным – сразу видно хорошего практика. А вот женщина

из отдела кадров больше слушала и делала какие-то отметки в блокноте.

Странно, но знания по отраслям права не проверяли. Я даже засомневалась, точно ли на ту вакансию отправила резюме. Как выяснилось, зря. Ничего я не перепутала.

– Кира Георгиевна, – вдруг расплылся в сочувственной улыбке Владимир Витальевич. – Вы, несомненно, очень способная и умная девушка. Но, к сожалению, ваша квалификация слегка не дотягивает до установленных нашим руководителям уровней.

Я нахмурилась. Но ведь они же смотрели мои документы! Хотя чего я, святая наивность и простота, хотела? В такие фирмы просто так не попадают, а связей, увы, у меня нет, не было и не будет.

– Значит, вы мне отказываете, – утвердительно произнесла я, медленно поднимаясь со стула. И правда... вот Настасья смеяться будет! Она и так меня всячески подкалывала. Расстроилась ли я? Определенно! Сморгнула подступившие к глазам слезы.

– Подождите, Кира Георгиевна! Собеседование еще не закончено. – остановила меня Александра Евгеньевна. – Должность помощника юриста мы вам предложить не можем. Но! – женщина поправила дужки очков. – Совсем недавно появилась новая вакансия. Если ваша работа устроит руководство, то думаю, вопрос о переводе будет решен очень быстро.

Не поверила своим ушам. Неужели эти серьезные деловые люди меня пожалели?

– И в качестве кого вы можете взять меня?

Владимир Витальевич хитро улыбнулся:

– Вы умеете пользоваться кофе–машиной?

Поперхнулась. Не думала я работать секретарем. С дипломом–то юриста! Хотя, конечно, кривить душой не стану: знала, что не попасть мне на тепленькое местечко. Но секретарь...

– Умею, – отстраненно кивнула.

Да если я уйду и попробую устроиться в другие фирмы, где гарантия, что мне так же не дадут отворот–поворот? Раньше нужно было думать, Кирочка. Вот как Мария с моего потока – начала подрабатывать еще на втором курсе и после выпуска сразу же оказалась при деле – в знакомом коллективе, при хороших деньгах и при привычных обязанностях.

– Стрессовые ситуации как переносите?

– Нормально, – пожала плечами.

– Замечательно! Про пунктуальность спрашивать не буду. И так вижу, что с этим у вас все в порядке, – похвалил юрист. – Это похвально–похвально. Далеко пойдете! Если, конечно, с умом подойдете к делу.

Темнит мужчина, чую, еще как темнит.

– В какой отдел нужен секретарь? – не выдержала я.

– Ассистент, Кира Георгиевна, не секретарь, – подметила Александра Евгеньевна, сжав тонкие губы.

– Хорошо, ассистент, – быстро исправилась я.

– Кирилл Романович совсем недавно уволил помощницу, не справлялась девушка с обязанностями. А как вы думаете, справитесь?

– Кирилл Романович? – переспросила я, не совсем понимая, о ком речь.

– Воронцов Кирилл Романович, – мне не послышалось.

С трудом сохранила хладнокровное выражение лица, хотя хотелось по-детски запрыгнуть и захлопать в ладоши. Пускай даже и секретарь! Но у самого Воронцова! Больше всего воодушевилась, потому что, работая с ним, смогу набраться такого опыта, который мне даже и не снился! А если удастся присутствовать во время консультаций, его работы с клиентами – то мне несказанно повезло.

Ради приличия спросила про основные обязанности, заработную плату и условия, хотя для себя уже все решила. Оклад по меркам города весьма неплохой, что я даже удивилась: почему же желающих не было? Оказывается, желающие были и много: но до очного собеседования доходили не все. Многие отсеивались еще на этапе рассмотрения резюме. Да и нужен был Воронцову человек с юридическим образованием, чтобы не стоял с открытым ртом, не понимая, что же требуется.

Потому, благосклонно кивнув, согласилась. Только потом я узнала, почему же зарплату обещали немаленькую. Как оказалось, с учетом надбавки. За вредность.

Покинув кабинет со странно улыбчивой комиссией, направились в отдел кадров, располагающийся на этом же этаже, чтобы заключить договор. Девушка–менеджер по персоналу окинула меня ядовитым взглядом. В долгу не осталась – ответила тем же, хотя пыталась сдержаться. Молодая, не старше меня, высокая, со жгуче–рыжими волосами и острыми, «лисыими» чертами лица.

– Доброе утро, – как ни в чем не бывало, поприветствовала меня она, хотя мгновение назад оценивала, словно племенную корову на выставке. – Чем могу помочь?

– Доброе. Меня направили заключить трудовой договор на должность ассистента Кирилла Романовича.

– Поздравляю! – слишком наигранно жизнерадостно воскликнула рыжая. – Будем тогда знакомы. Я Полина, а ты?

– Кира. Кира Ржевская, – спокойно ответила я.

– Держи анкету, – девушка передала мне бланк. – Заполний все, что звездочкой отмечено. Остальное по желанию.

Быстро закончив с анкетой и прочими формальностями, не без облегчения покинула кабинет излишне дружелюбной Полины. Как говорится, от греха подальше.

К ресепшену уже подходила другая я: искренне улыбающаяся, довольная жизнью и звонко стучащая каблучками туфель.

– Ну как? – поинтересовалась шатенка.

– Взяли, – довольно отозвалась я. – Только не помощни-

ком юриста, а секретарем к Кириллу Романовичу.

– Поздравляю! Только несладко тебе придется.

Я недоверчиво прищурилась:

– А в чем проблема?

– Да ни в чем, – тут же исправилась девушка. – Кирилл Романович просто у нас настоящий трудоголик. И того же требует от своих ассистентов. Строгий он, Кира. Ты, главное, держись. Если сработаешься – далеко пойдешь!

Мысленно отметила необходимость разузнать побольше о начальнике из первых уст, мало ли что в бульварных газетенках пишут.

– Ой, я же не представилась. Елена! Будем знакомы, – спохватилась шатенка. – Буду рада, если сможешь забегать поболтать. Тут все такие пресные, сил моих больше нет, – шепотом поделилась она.

Я хихикнула. Да, у юристов очень своеобразное чувство юмора, хотя по большей части его вообще у нашего брата нет.

– Кабинет Воронцова этажом выше, но там пока ремонт. Временно работаешь здесь, в середине коридора офис тридцать десять – небольшая приемная и непосредственно кабинет начальника. Не такие хоромы, как на тридцать первом, но вполне ничего. Контракт уже подписала?

Я кивнула. Вот уж к контракту я отнеслась с особой серьезностью – полностью прочитала несколько страничек, тщательно вчитываясь в выражения. Никаких подковырок

и закавык не встретила, все вполне благопристойно. Только рабочий день, чувствовала я, будет ненормированный, а не указанный в договоре – с девяти до шести.

– Забудь, что там написано, – звонко рассмеялась Лена. – Ты же без опыта работы, да? Ага, оно и видно. А еще юристы. Тьфу на них, все у них не как у людей. Все через зад... – Лена вдруг посмотрела за меня, ойкнув. – Чем могу помочь, Кирилл Романович?

– Елена, кажется, я просил вызвать уборщицу, – недовольный голос Воронцова раздался за моей спиной.

– Я вызвала, Кирилл Романович. Как подойдет – сразу же отправлю к вам, – протараторила девушка.

Спиной чувствовала присутствие Воронцова. Невольно сравнила себя с мышонком, нарвавшимся на огромного голодного кота.

– И где этот клининг черти носят? Ладно, Елена, только попрошу без задержек. У меня в десять важная встреча.

– Хорошо, Кирилл Романович, – расплылась в улыбке девушка. – Познакомьтесь, это ваша новая ассистентка. Ржевская Кира...

– Георгиевна, – подсказала я.

– Кира Георгиевна Ржевская, – довольно исправилась Лена, благодарно взглянув на меня.

Только теперь я медленно повернулась и сразу же наткнулась на усмешку Воронцова.

– Отлично. Вы как раз вовремя. Сейчас приступить к ра-

боте можете?

Уже?! Однако, пересилила себя, заставив взглянуть в серые глаза начальника, и бодро ответила:

– Могу.

– Идемте, – он повернулся в сторону коридора.

– Удачи, – шепнула мне Лена, и я, сжав на удачу кулачки, посеменила за начальником.

Пока следовала за Воронцовым, невольно рассматривала широкую спину в темно-сером, практически черном, пиджаке. Позвоню Настасье – не поверит.

Анастасия Ионова была моей одноклассницей, но общаться мы не перестали даже после выпуска. Только-только получив диплом, она по протекции отца устроилась в одну неплохую строительную компанию. Девчонка очень сообразительная, поэтому работодатель ее ценил и далеко от себя не отпускал – проработав полгода, она получила приглашение в фирму-конкурента, однако ее не только не отпустили, но и ощутимо повысили зарплату.

– Ваш стол, – голос начальника вырвал из размышлений.

Огляделась. Мы оказались как раз в том кабинете, из которого вылетел Воронцов. Приемная и правда небольшая – компьютерный стол с современным ноутбуком, пара узких стеллажей, полностью заставленных разноцветными папками. Напротив стола – черное кожаное кресло, видимо для посетителей. Вполне ничего, уютно.

– Принесите мне кофе, Кира, – бросил Воронцов и, прак-

тически скрывшись за другой дверью, за которой располагался его собственный кабинет, добавил: – Со сливками, без сахара.

– Сейчас, Кирилл Романович, – отозвалась я и, положив сумку на стул, вышла в коридор.

Кофе-машина встретила меня, недружелюбно щерясь множеством кнопок. Застыла, понимая, что с этим чудом техники просто так, с наскока, не разобраться. Я пару раз за-скакивала в офис к Настасье, где встречалась с подобным аппаратом. Но тот не в пример был скромнее, и подруга быстро разъяснила мне, что да как.

– Вот как чувствовала, что тебе помощь нужна, – хихикнула подошедшая Лена. – Смотри: черный кофе со сливками, без сахара. Жмешь сюда, сюда, а потом здесь.

– Спасибо, Лен, – искренне поблагодарила я.

– Да брось, – отмахнулась она. – Мы должны помогать друг другу, – и, подмигнув, вернулась к себе.

Поставила белоснежную чашку с блюдечком на поднос. Прежде чем войти непосредственно в кабинет начальника, постучалась. Только потом вошла, стараясь не расплескать кофе, когда обходила свежее пятно на плитке и расколотый графин.

Воронцов, уткнувшийся в бумаги, поднял на меня глаза только после того, как я опустила поднос на его стол.

– Сядьте, Кира. Мне нужно с вами поговорить, – тон юриста не терпел возражений.

Да и смысла возражать не было, все же начальник есть начальник.

Послушно села на стоящее напротив стола, возле стены, кресло.

– Вы раньше работали ассистентом?

– Нет, – покачала головой я. – Я подавала резюме на помощника юриста, но...

– Это неважно, – невежливо прервал мои объяснения Воронцов. – Я доверяю своим сотрудникам. Раз вас приняли, значит, вы чем-то их заинтересовали. В любом случае я посмотрю на ваши успехи в течение нескольких дней. Если меня не устроит, то вынужден буду с вами распрощаться.

Нахмурилась. Так ведь договор уже подписан и... ах точно, испытательный срок.

– Я поняла вас, – попыталась придать голосу необходимую корректность.

– Дальше. Я появляюсь в офисе к восьми тридцати. Могу рассчитывать на вашу солидарность в этом вопросе?

Ну вот, началось в колхозе утро. А в договоре было написано, что рабочий день с девяти. Ладно, мне терять нечего, я человек несемейный, можно и попробовать. Уйти никогда не поздно.

Кивнула, чем вызвала у начальника ехидную усмешку. Чего это он?

– Обеденный перерыв с двенадцати до часа дня. Ухожу поздно, иногда могу попросить задержаться после шести ве-

чера. Если не успеваете что-то доделать, остаетесь и заканчиваете. График у меня напряженный.

– Сверхурочные оплачиваются? – раньше, чем смогла остановить себя, задала вопрос. Ой, и кто меня за язык тянул?

– Вам недостаточен оклад, указанный в договоре?

– Достаточен, но...

– Трудовой Кодекс, – рассмеялся Воронцов, сделав глоток кофе.

Все-таки он привлекательный, это точно, а фотографии нисколько не передают реальной харизмы, которая чувствуется в живую. Глаза серые, проницательные, как будто в душу смотрят. Волосы короткие, очень темные, что в сочетании со светлыми глазами смотрится необычно, но очень даже неплохо. Черты лица чуть грубоваты, не девчачьи, нос прямой, тонкий. Спасибо, мамочка, что людей я оцениваю так критично, разглядывая лишь самые яркие и запоминающиеся "элементы". Сказывалось мамино воспитание – она у меня по профессии учитель изобразительного искусства, а по призванию – вольный художник. Всегда было интересно, как они с папой моим характерами сошлись? Папочка – то чистый прагматик, инженер, не терпит вольностей. Все-то у него по плану и по порядку.

– Видите ли, Кира, в договоре указана заработная плата уже с учетом сверхурочной работы. Если вас не устраивает, то...

– Устраивает, это я так... с академии осталось, – не растерялась я. Злить работодателя не хотелось – вон уже как серьезно на меня смотрит, будто задумался о чем-то.

– Надеюсь, к этому вопросу мы больше не вернемся. Остальные рабочие моменты Александра Евгеньевна должна была вам рассказать. Так, что еще? Будьте добры, встаньте, – вдруг приказал Воронцов.

Придирчиво осмотрел меня, я даже смутилась. Вроде одежда опрятно – юбка до колен, блуза хоть и тонкая, но не просвечивающая, нежно-бежевого цвета. Туфли на устойчивом каблуке – не какая-нибудь микроскопическая шпилька высотой до небес.

– У нас серьезная фирма, Кира, и обращаются к нам люди с высоким статусом. Мне бы не хотелось выслушивать их недовольства по поводу вашего внешнего вида. Вижу, вы этим не грешите, но все-таки предупрежу: юбка не выше колен, никаких просвечивающих блузочек, едва прикрывающих ягодицы шортиков и так далее. Волосы всегда убраны. Вы меня поняли?

С души как будто камень упал. Требования вполне адекватные, я бы сказала, закономерные.

– Да, Кирилл Романович, – улыбнулась в ответ.

– Радует, – хмыкнул начальник. – Встреча у меня через двадцать минут, поторопите уборщицу. Ровно в десять мне в кабинет две чашки кофе – один вы уже готовили, в курсе. Второй – американо, двойной сахар. Затем изучите мое рас-

писание, просмотрите электронную почту. Если увидите документы от Медведева – дадите мне знать. Позже я вас вызову. Далеко от рабочего места не отходить. Свободны.

Воронцов мигом потерял ко мне интерес, снова уткнувшись в бумаги. Не посмела его задерживать – вернулась на свое место, плюхнулась на шикарный кожаный стул, откинувшись на спинку.

– Поздравляю с первым рабочим днем! – изрекла едва слышно, раскачиваясь на необычайно удобном предмете мебели.

Немного перевела дух, запустила ноутбук, подивившись странному фоновому изображению – ярко-желтым смайликам в таком количестве, что в глазах зарябило. Моргнув, полезла в настройки изменять этот канареечный ужас. Довольно уставилась на успокаивающий морской пейзаж, когда сумка, временно перебазируемая на стол, завибрировала.

Вытащила телефон и, не глядя на экран, ответила на вызов.

– Слушаю.

– Ржевская, ну что? Взяли?! – обеспокоенный голос Настасьи взвился до громкости сирены.

– Взяли, Настык, – довольно похвасталась я. – Сегодня заскочу к тебе вечером, отметим.

– Еще бы! Поздравлю тебя, коллега.

– Насть, тут такое дело... я не юристом устроилась.

– А кем? – недоверчиво переспросила подруга.

– Секретарем.

– Ке–е–ем? – взвизгнул голос. – Ты прикалываешься надо мной? Совсем с дуба рухнула?

Пришлось отодвинуть телефон от уха, дабы не оглохнуть.

– Все нормально, Насть. Место хорошее. Я тебе вечером расскажу. Ладно, я побегу, у меня много работы.

– Кира? Кира, твою ж! Вечер ты не переживешь! – и, словно махнув на меня рукой, засмеялась: – Иди уже, секретарша.

– До вечера, угу, – закатила глаза я и отключилась.

Так, предстояло поторопить уборщицу – где искать ее, представляла смутно. Ничего, решила спросить у Лены. Мне повезло, что в фирме сразу же завелось новое знакомство. Надеялась, что в последствии мы даже подружимся – вроде как Елена казалась позитивным, простым и добродушным человеком. Из кабинета выходила с чувством собственной важности – как–никак теперь я трудоустроенная. Надо было позвонить родителям, волнуются ведь, но подумала, что стоит отложить звонок до окончания рабочего дня.

– Лен, Кирилл Романович сказал поторопить уборщицу. Где ее найти?

– А, – отмахнулась шатенка, – звонили из клининговой службы, с первых этажей. Она уже идет. Не беспокойся. Ты мне лучше скажи: как устроилась?

– Пока не знаю. Страшно, – призналась я. Почему–то захотелось пооткровенничать. Лена вызывала доверие.

– Ты только ему страх не показывай, – широко улыбнулась девушка. – Загрызет.

– В смысле? – не поняла я.

– В прямом, – подмигнула Лена. – Только слабинку дашь, совсем заданиями завалит. Прошлая ассистентка, Марина, месяц продержалась. Хотя сама дура, думать надо было, куда лезет.

– Расскажешь? – собирать сплетни офиса я не собиралась, но узнать больше о Воронцове хотела.

– Давай на обеде подходи сюда, смотаемся на пятый, в кафешку, там и поговорим.

Лифт звякнул. Из раскрытых дверей вышла женщина с нашивками клининговой службы на голубой спецодежде, катящая перед собой тележку с химическими средствами.

– Пожалуйста, пройдите за мной, – не растерялась я. – Нужно стекло убрать и разлитое вытереть.

Чувство собственной важности не покидало меня, когда я уверенно шагала к собственному кабинету.

– Кирилл Романович, из службы подошли. Кабинет убрать, – заглянула к шефу. Хотелось поскорее влиться в рабочую атмосферу и начать, наконец, пользоваться словечками «шеф», «босс» и «планерка». Могла ли я год назад мечтать, что устраюсь на работу? Определенно, нет.

– Хорошо, – посмотрел на меня Воронцов. – Пусть заходит.

Пропустив женщину в святую святых начальника, верну-

лась к компьютеру. Расписание оказалось забито в программу—ежедневник на «облаке». Отлично, значит, подключусь к нему с телефона и всегда буду в курсе дел Воронцова.

Встречи были назначены на десять, четырнадцать и шестнадцать часов. В пять вечера – деловой ужин с одним из клиентов. Заметила приписку с тремя восклицательными знаками – «Не забыть связаться с Белоярцевым!!!». Кто такой Белоярцев, я не знала, потому только хмыкнула. Ну, ничего, привыкну.

Без пяти десять в приемную вошел невысокий полный мужчина в строгом костюме. Нахмурил седые брови, увидев меня. Где-то я уже видела его! Напрягла память. Точно! Деменев Илья Сергеевич, владелец сети ресторанов. Недавно Интернет заполонили скандальные сообщения о том, что в его ресторанах якобы обманывают клиентов, предоставляя им вместо дорогих коллекционных французских вин контрабандные подделки.

– Доброе утро! Илья Сергеевич, подождите, пожалуйста, минутку. Я оповещу Кирилла Романовича о вашем приходе.

– Будьте добры, девушка, – вдруг расцвел пожилой мужчина. Видимо ему льстило мое обращение.

Подскочила с места и, постучавшись, заглянула к начальнику.

– Кирилл Романович, к вам Илья Сергеевич Деменев.

Удивленно поднятая бровь Воронцова стала самой лучшей похвалой. Не ожидали, шеф, что я шишек нашего горо-

да знаю? А вот так—то!

— Пригласите, — начальник быстро справился с эмоциями.

— Пожалуйста, проходите, — улыбнулась Деменеву я.

Тот коротко кивнул и зашел в кабинет. Так, что там дальше? Ага, кофе. Одернула юбку и, уже быстро справившись с кофе—машиной, отнесла большим людям напитки. Ай да я! Довольно лыбясь, уселась на свое место.

Несмотря на тонкие офисные стены разговора мужчин слышно не было. Значит, говорят тихо. Пока изучала пришедшие на «мыло» письма, встреча закончилась, и Деменев вместе с боссом вышли в приемную.

— Не беспокойтесь, Илья Сергеевич, вы знаете меня. Все сделаем по высшему разряду, — серьезно проговорил Воронцов. — Иск подготовят в кратчайшие сроки. Ваша деловая репутация будет восстановлена.

— Спасибо, Кирилл. Ты точная копия отца. Как, кстати, он поживает? Как матушка?

— Отлично. Отдыхают за городом. Вы заезжайте, как время будет. Отец с матерью только рады будут.

— Конечно—конечно, — кивнул Деменев, и перевел цепкий взгляд карих глаз на меня. — А вас как звать, девушка?

— Кира, — я вежливо склонила голову.

— Спасибо, Кирочка, уважили старика. Наконец, у Кирилла появилась хорошая помощница, а не эти его прохиндейки.

— Илья Сергеевич! — закатил глаза Воронцов, сложив руки на груди. А потом как зыркнул на меня, что захотелось

сползти под стол. Что я сделала–то?

– Ты слушай, что старшее поколение говорит. Вежливая девочка, только молоденькая совсем.

– Пойдемте. Я вас провожу до парковки, – увел Деменева начальник.

Воронцов вернулся через несколько минут.

– Кира, вы молодец, что быстро смогли подключиться к работе. Но впредь попрошу не пытаться строить глазки клиентам. Тем более, – выделил голосом начальник, – тем, которые вам в дедушки годятся.

Я непонимающе уставилась на Воронцова. И как это понимать? Я же не строила глазки!

– Отлично, вижу, вы меня поняли. Спуститесь на второй этаж бизнес–центра, сделайте фото на пропуск. Данные уже у администрации.

– Хорошо, – попыталась изобразить улыбку. Все–таки замечание начальника меня задело. Какой флирт может быть? Я же прекрасно вижу, какой человек Деменев. Ну да, мне на днях двадцать три года, но это не значит, что я легкомысленная особа, стелющаяся за толстым кошельком.

Быстро сбегала в администрацию за пропуском, заодно узнала насчет парковочных мест. Сегодня–то я на общественном транспорте доехала, оставив свою ласточку возле дома, не зная, будет ли место для парковки. Оказалось, что подземный паркинг под центром очень вместительный, места предварительно бронировать не нужно. Пока ждала элек-

тронную карту, рассмотрела список собственников и арендаторов офисов. Оказалось, что кроме «Немезиса» здесь обособились строительная компания, несколько консалтинговых агентств, одна редакция и многие другие. Все-таки золотое великолепие стеклянного небоскреба прельщало многих. Подкупала и полная инфраструктура: собственная клининговая и охранная служба, кафе и рестораны. На верхнем этаже еще было нечто вроде смотровой площадки с выходом на крышу.

Оставшееся время до обеденного перерыва разгребала завал документов на рабочем столе компьютера. Интересно, что это за Мариночка здесь раньше работала, у которой одних только файлов с названием «Документ-1», «Документ-1.Копия» минимум штук тридцать? От усиленного бдения в экран, заслезились глаза. М-да, давнишнее сотрясение мозга мне аукалось – очки я еще не носила, но зрение стало подводить.

В двенадцать из кабинета показался Воронцов.

– Кира, сегодня можете задержаться на обеде. Все же вы должны были начать работу с завтрашнего дня. Но никаких поблажек больше не ждите, – в его голосе так и слышалась предвзятость. А я не понимала, откуда она появилась. Ведь при нашей первой встрече он даже пошутил и улыбнулся. Что изменилось?

Лена ждала меня у лифта.

– О, смотрю, Кирилл тебя все-таки отпустил, – довольно

изрекла она. Неужели тыканье в адрес начальника от Лены мне не показалось?

Я пожала плечами:

– А почему ты обращаешься к Воронцову по имени?

Лена расхохоталась.

– Точно без опыта работы. Поработаешь с мое секретарем на ресепшне – всем сотрудникам клички дашь, – ошарашила она меня.

– Это же неправильно, – сжала тонкие губы я. – А как же деловой этикет?

– В топку этикет, Кир. Когда общаешься с руководством, то будь добра соответствовать. Но за глаза... за глаза замаешься всех по имени–отчеству кликать.

– Хм, – выдала многозначительно.

Двери как раз разъехались в стороны, и мы ступили в фойе кафе. Красиво! Несколько десятков столиков из светлого металла, и опять же легкая эфемерность вкупе с элегантностью. Минимализм здесь в почете.

Удобно устроились у стеклянной стены и сделали заказ. Я не рассчитывала на рабочий день, а цены в кафе кусались, так что заказала лишь легкий салат с молочным коктейлем. Да и не до еды мне было – аппетита нет.

– А если серьезно, Кирюш, то Воронцов мой дядя. Двоюродный. Короче, седьмая вода на киселе, – удивила Лена.

– Раз вы родственники, то почему на ресепшне сидишь?

– А я общительная девушка. Терпеть не могу зарываться

в бумаги. Образование у меня «Связи с общественностью». А чем тут не общественность?

– Никогда бы не подумала, – изрекла я. – Так что там с Мариной?

Как раз принесли заказанные блюда, потому несколько минут прошли в молчании. Потихоньку подтягивался народ – вскоре все столики оказались заняты. Краем глаза я даже заметила кадровичку и главу юротдела.

– А рассказывать особо и нечего, – наконец отозвалась Лена, совсем по-детски облизывая ложку от легкого десерта. – Устроили ее по благу. Ничего не знала, ничего не умела. Хотя вру. Умела, – хихикнула она. – Задом крутить и сиськи выпячивать.

Я подавилась молочным коктейлем.

– Ты чего ханжа такая? Стесняшка, что ли, а, Кира?

– Да нет, просто не ожидала от тебя такие фразочки.

– Привыкай, – улыбнулась Лена. – Слушай дальше. Ходила вечно, как будто мы не «Немезис», а «Борделиз» какой-нибудь. Кирилл сначала терпел, потом нарычал на нее. Она вроде бы поскромнее стала, но как мариновалась в его койку, так и продолжала. Хрен знает, почему ее Воронцов целый месяц продержал. За это время она ему весь график испоганила. А потом представляешь, – Лена нависла над столом и потянулась ко мне. – С конкурентом спать начала и все документы ему сливала. Мы из-за нее два дела проиграли, пока не поняли, в чем дело. Кирилл ее в зашей погнал, а род-

ственничка, который ее к нам устроил, так отчитал, что тот все еще боится на глаза показаться.

Теперь стали понятны строгие требования начальника к внешнему виду и поведению. И даже замечание про якобы мой флирт более–менее объяснилось.

– А конкурент–то кто? Юридическая фирма Щелкунова? – предположила я.

– Да нет, ты чего? Эти так, в хвосте плетутся. Запомни на всю жизнь, деточка, что главный враг «Немезиса» – «ЮрИнвестКомпани» и лично Державин Максим Алексеевич.

– Хм, если честно, не слышала даже о них.

– Рада, что не слышала. Но у нас с ними вечно терки. С самого открытия нашей фирмы мы всегда представляем оппонентов. Бывает, и за клиентов грыземся. А Державин этот вообще скользкий тип.

– Скользкий, потому что переспал с секретаршей Воронцова?

Лена округлила глаза.

– Какой переспал? Ничего подобного! Спал–то его сотрудник, мелочь какая–то, не помню даже. Скользкий, потому что ничем не гнушается. Но вы еще с ним познакомитесь, обязательно познакомитесь. Он частый гость у нас в офисе.

Я вопросительно приподняла бровь.

– Это как же так?

– Врага надо держать при себе. Вот Воронцов и поддерживает контакты с Державиным. Они даже отдыхают порой

вместе.

– Обалдеть! – выдохнула я. Никогда бы не подумала.

– Угу, – Лена сделала глоток чая. – Ничего, я тебе все покажу–расскажу, быстро втянешься в коллектив. Первое и самое главное – кадровичку не зли! Они с бухгалтершей лучшие подруги. Семеновна–то добрейшей души женщина, а вот Евгеньевну ты уже видела, вроде бы божий одуванчик, но стерва редкостная. Дальше. Полиночка в кадровом – тесно общалась с Мариной, все еще расстроена, что ту поперли, так что с ней тоже аккуратно.

– Что бы я без вас делала, Елена, – благодарно просияла я.

– Да брось. Вижу, ты девчонка хорошая. Наивная только, аккуратней – юриспруденция еще та змеиная яма.

– Ничего, – хмыкнула, – зубки мигом пообломают.

– Вот! Наш человек! Надо тебя с Димкой познакомить, это юрист наш.

– О–о–о, – взмолилась я, – только не сводничай! Мне моей лучшей подруги хватает. Как я со своим разошлась, так она мне прохода не дает.

– А чего разошлась? – тут же встрепенулась шатенка. Загоревшиеся интересом глаза девушки заставили помрачнеть.

– Потом расскажу. Давай лучше о наших. Кого еще нужно обходить за километр?

– Так, ну, начальник юротдела мужик неплохой, нудный только. С ним лучше расстояние держать, сама понимаешь. Больше особых подлецов–то и нет. Вспомню – скажу. А вот с

девчонками с консультации граждан подружиться тоже можно. Выручат всегда.

– А сколько штат?

– Не помню, – отмахнулась Лена. – Считать замаешься. Хотя... Совладелец "Немезиса" – отец Кирилла, он уже давно от дел отошел, не практикует. В консультации граждан человек пять сидит, по отделам разным примерно по двое–трое. Ну, там земельное, гражданское. Не мне тебе это рассказывать.

– А этаж весь наш?

– Да, тридцатый и тридцать первый выкуплены. На тридцать первом заняты еще четыре кабинета – для Воронцова, его отца, и еще два на всякий случай для руководства. Забыла, точно! Еще конференц–зал там же. А вообще у Кирилла там что–то вроде комнаты отдыха – бильярд, бар.

– Оу, – только смогла и выдать я.

– А как еще? Он же живет практически на работе. Дурак совсем. Мужуку тридцатник, а все еще холостой ходит. По бабам своим шляется.

Я покраснела и попыталась зажать себе уши. Не хочу! Не хочу я это слышать. Зачем мне настолько личная информация о шефе?

– Ладно–ладно, – в примирительном жесте подняла руки Лена. – Молчу, – и усмехнулась. – Пошли, уже обед скоро кончится. Работы тьма.

Поднявшись на тридцатый, я узрела, наконец, большин-

ство работников фирмы. Как беспокойные пчелы в улье, сотрудники сновали по коридору, забиваясь в свои кабинеты–соты. Взирала на творящуюся сумятицу с благоговейной улыбкой. Даже не верилось, что теперь я часть этого муравейника–улья–гнезда и прочая.

– Вовремя, – довольно хмыкнул Воронцов, когда я вернулась в приемную. Сам он, похоже, тоже только что подошел. Вид у шефа был расслабленный – галстука не наблюдалось, верхние пуговицы белоснежной рубашки расстегнуты, пиджак распахнут.

– Документы от Медведева не поступали?

На всякий случай еще раз пролистала почту:

– Нет, Кирилл Романович.

– Вот же засранец! – выругался начальник и тут же хмуро посмотрел на меня. – Медведев, к вашему сведению, мой напарник. Евгений Васильевич Медведев, запомните это имя. На данный момент он в командировке, но скоро вернется в офис. И, пожалуйста, Кира, как только документы придут, распечатайте и передайте мне их немедленно!

– Хорошо, – ответила я.

Тихий хлопок двери ознаменовал, что я осталась в одиночестве.

Вновь откинулась на спинку стула, покрутилась на нем и провела рукой по зализанным лаком волосам. Кожа головы ужасно ныла – не привыкла я так надолго убирать волосы. А тут вообще пришлось зачесать гриву назад и закрутить в

тугой пучок. Чтобы не растрепалась по дороге, набрызгать лаком, так что теперь мне казалось, будто голову полили цементом, и он успешно затвердел.

Волосы у меня знатные. Темно—русые, приятной густоты и длиной до копчика. Папина гордость, мамина радость и мое расстройство. Конечно, это раньше я мечтала их остричь, что и делала втайне от родителей, за что потом огребала по полной программе. А вот как вошла в прекрасную девичью пору, когда хочется выглядеть женственно и сексуально, хотя и не понимаешь, зачем оно надо, так и поменяла свою точку зрения. Несколько долгих лет отращивала длину и теперь наслаждалась. Морока только ухаживать за такой гривой, но красота требует жертв.

А еще я то и дело напоминала себе следить за ногами. Раньше никогда не носила юбки. Будучи подростком, всегда якшалась с пацанами и одевалась соответственно, меня иногда даже с мальчиком путали. Потом, в семнадцать, пришло желание красоваться длинными ногами и неплохой спортивной фигурой, но... за пять лет я поняла одну вещь: ревность мужчины, конечно, вещь приятная, но ее должно быть в меру. Мне не повезло — Данил был не просто ревнивым, а крайне ревнивым. Он терпеть не мог, когда я, следуя сиюминутным порывам, облачалась в женственные платья или блузочки с юбочками и выбирала вместо привычных кроссовок туфли на каблуке. Нет, он любил, когда я выходила в таком виде вместе с ним. Но вот мои попытки нарядиться для се-

бя, для собственного удовольствия, без его компании, всегда влекли за собой ссоры. В какой-то момент я плюнула и перестала пытаться выглядеть девушкой.

Казалось, Данил был доволен. Как же – вся эта красота только его, только он мог любоваться изгибами ключиц, тонкой талией и стройными ногами. Он меня уверял, что рядом с ним я могу одеваться, как угодно. Была лишь одна проблема: мы никуда не выходили вместе. Первый год, когда он только ухаживал за мной, то постоянные поездки в кинотеатр, бильярд и кафе были неотъемлемой частью нашей жизни. Затем, стоило только начать жить вместе, как романтика из наших отношений испарилась, и остался один прожженный, надоевший до рези в желудке и до скрипа зубов быт.

Я рассмеялась, вспоминая, что даже интимная часть наших отношений скатилась в Тартарары. Секс в автомобиле, с которого и началась наша «взрослая» жизнь, как-то резко перерос в нелепые и скучные телодвижения на кровати. Я не жаловалась. Данил заикался о свадьбе, но делать предложение не торопился. А потом что-то в голове щелкнуло. Его ничем не объяснимая ревность убивала. Я понимала, что чахну, погибаю подобно только что распустившемуся цветку, внезапно накрытому плотной тканью и лишенному солнечного света. Я деградировала, умирал мой внутренний мир. Он оказывался погребен в бытовых дрязгах, ежедневных проблемах, бесконечных упреках.

Последней каплей стал его запрет ездить куда-либо од-

ной. Вы скажете, что делать все вместе это здорово! Любая здравомыслящая женщина мечтает о том, чтобы мужчина разделял ее интересы, составлял ей компанию и всюду следовал за ней. Возможно. Но если все это перерастет в крайность, когда приходится сидеть в четырех стенах каждый божий день, потому что мужчина занят, он на работе или ему некогда. Я не могла одна съездить к родителям, сходить с подругами в парк или кафе. И я не выдержала.

Жирная точка в наших отношениях была поставлена год назад. После этого я вернулась в родительский дом и начала жить той жизнью, о которой всегда мечтала.

– О чем вы так усиленно думаете, Кира? – фраза, брошенная начальником, стала для меня неожиданностью. Вдруг поняла, что грызу кончик ручки – давно исчезнувшая вредная привычка снова вернулась. Да и сама я сползла под стол, растекаясь безвольной массой по невероятно удобному кожаному стулу. Пришлось резво садиться в нормальное положение, отбрасывать пишуший предмет и виновато глядеть на Воронцова.

– Задумалась, извините.

– М–м–м, – многозначительно выдал начальник. – Впредь следите за собой, Кира. Вы находитесь на рабочем месте. В любом момент в приемной может оказаться клиент.

– Извините, Кирилл Романович, – смутилась я.

– Не заставляйте жалеть о принятом в отношении вас решении. Вам же обещали перевод в помощники юриста, если

я не ошибаюсь?

Встрепенулась:

– Да, если моя работа вас устроит.

– Вот и не разочаровывайте меня, Кира. Я высоко оцениваю целеустремленность своих сотрудников.

Стоит ли говорить, что после этой фразы, высказанной непосредственно Воронцовым, захотелось работать на износ сил. Могла ли я подумать, что Кирилл Романович умело манипулировал людьми, находя их слабые места и дергая за ниточки, словно кукловод марионетку? Но ни нотки лжи или фарса в тот момент я не почувствовала. Увидев искреннюю улыбку, расцветшую на моем лице, начальник довольно ухмыльнулся, но я списала это на свою понятливость.

– Зайдите во все отраслевые отделы и заберите готовые процессуальные документы с корреспонденцией. В течение часа прибудет курьер.

– Конечно! – воодушевленно закивала я и пулей вылетела из приемной.

Первым делом зашла в «гражданский» отдел. Постучалась, чтобы создать о себе приятное первое впечатление и вошла:

– Здравствуйте. Я новый ассистент Кирилла Романовича, Кира.

Кабинет оказался разделен на четыре зоны – каждая в углах. В зоне по три стола, отгороженных друг от друга лишь символическими невысокими пластинами. Табличка на две-

ри гласила, что зона "А" занята юристами, работающими в земельной и экологических отраслях; зона "Б" – семейное и наследственное право; "В" – непосредственно гражданское и "Г" выделялась помощникам юристов.

Несколько столов пустовало.

Смутилась, когда на меня уставились семь пар глаз. Девушки смотрели с ехидством, мужчины – с ленивым интересом.

– Здравствуйте! – встал молодой парень из "гражданских". – Вы проходите, Кирочка, не стесняйтесь. Я Дмитрий, Дмитрий Демидов. Чем можем помочь?

Юристы, воодушевившись примером коллеги, представились. Да, я почти никого не запомнила, но самое страшное было уже позади.

– Кирилл Романович попросил забрать у вас готовые процдоки, скоро подъедет курьер.

– Ага, попросил, – буркнула женщина с короткими светлыми волосами. Кажется, она представлялась Надеждой. Так, надо запомнить: к Надежде из "семейников" присмотреться, неизвестно, какого она поля ягода.

– Да без проблем! – широко улыбнулся Дима. Вот зуб даю, что это именно с ним меня Лена хотела познакомить. – Так, граждане, а ну сдали мне плоды ваших умственных терзаний. Поживей!

Хихикнула, не удержавшись. И правда веселый парень. Думала, что коллеги обидятся, но нет – даже Надежда не

смогла хмуриться. Через несколько секунд Дима, сверкая белозубой улыбкой, галантно поклонился и, опустившись на одно колено, подал мне кипу листов.

– Примите же, о прекраснейшая из серьезнейших! – пародируя актеров старинных фильмов, протянул блондин. А затем, умильно хлопая голубыми глазами, добавил: – Не посмейте обидеть раба покорнейшего.

Я, краснея, как вареный рак, приняла документы и, бросив короткое "спасибо" постаралась ретироваться. Уже уходя, услышала громкий хохот и кинутую Диме фразу:

– Эй, клоун, работай давай.

– Ничего ты не понимаешь, сноб, – хохотнул в ответ Дима.

Я прижалась спиной к закрытой двери, сгорая от стыда и не в силах сдержать так и норовящие расплыться в глупой улыбке губы. М–да, весело у них. Дима и правда был ничего: конечно, не красавец, но голубые глаза и солнечная улыбка преображали лицо молодого человека.

Следующими на очереди оказались "административщики". Так же вежливо постучалась, осторожно заглянула: кабинет поменьше, зон нет, только три стола. За двумя сидят мужчины. Оба примерно одного возраста, чуть старше сорока.

– Добрый день. Можно вас побеспокоить?

Юристы отвлеклись от мониторов.

– Чем могу помочь? – отозвался тот, что сидел ближе к двери.

– Я Кира, новая ассистентка Кирилла Романовича. Собираю документы и корреспонденцию.

– Да–да, конечно, возьмите, – второй мужчина поднялся и, собрав листы со стола напарника, передал мне.

– Спасибо. Не буду вас больше отвлекать, – и вернулась в успокаивающий туннель коридора.

Последний отдел был пристанищем «арбитражников». Понятно, почему их не посадили рядом с «союшниками». Некоторое соперничество между юристами двух сходных по сути отраслей права повелось еще с тех времен, когда в России существовало два высших суда: Верховный и Высший Арбитражный. Спросите, почему же не ладили? А все просто: Пленумы обоих судов давали разные разъяснения по одним и тем же вопросам. Потому и приверженцы двух отраслей могли, брызгая пеной, доказывать свою точку зрения, считая ее единственно правильной. Вот и была такая абракадабра: в одинаковых случаях арбитражные и суды общей юрисдикции принимали совершенно противоположные решения, руководствуясь разъяснениями своего вышестоящего суда.

Благо сейчас все более–менее устаканивалось – Высший Арбитражный суд упразднили.

В этот раз я стояла перед дверью, собираясь с мыслями чуть дольше, чем в предыдущие. Дождалась до того, что она распахнулась. Выходящая женщина замерла. Низенького роста, худенькая, миниатюрная, но с сильным цепким взгля-

дом.

– Могу я чем-то помочь?

– Да-да, я новая ассистентка Кирилла Романовича, – протараторила уже вызубренную фразу. – Собираю корреспонденцию.

– А, подождите секунду. Сейчас вынесу.

Благодаря всевышние силы за удачное стечение обстоятельств, прижалась спиной к стене, выдыхая. Еще немножко, Кира! Ты большая молодец.

– Держите, – передала конверты женщина и изящно пошагала в сторону лифта.

– Есть! – чуть ли не пища от радости, воскликнула я.

Заносила документы начальнику с идиотской улыбочкой на лице

– Проблем, смотрю, не возникло, – строго посмотрел на меня Воронцов. – Вы почти заслужили похвалу, – моя улыбка сразу же померкла. – Только в следующий раз постарайтесь побыстрее. Звонили с ресепшена – курьер подъехал. Вы все еще здесь, Ржевская?

Отмерев, чуть ли не бегом посеменила к Лене. Вот как это понимать? Такое настроение испортил! Сказал же, что курьер будет через час. Хотя... припомнила формулировку шефа. В течение часа. Вот же юрист до мозга костей! И не придраться. Зависть берет.

На стол Елены облокотился уже знакомый мне молоденький парень.

– Возьмите, – передала стопку документов курьеру.

– Взяли–таки. Поздравляю! – радостно воскликнул парень. – Я Серега.

– Кира, – отчего–то помрачнела я. Серега выглядел не старше восемнадцати. Лена прижала кулак к губам, давась смехом.

– Кира–Кира–Кира, девчонка без прикрас, Кира–Кира–Кира, улыбнись, порадуй нас, – запел парень, откинув длинную челку, и тут же рассмеялся.

– Поэт? – хмыкнула я.

– Да не, расслабься, – подмигнул Серега. – Я к тебе не подкатываю, просто новое лицо в компании. Познакомиться надо.

– Вот и познакомились, – не смогла больше сдерживать себя Лена и громко расхохоталась. – Иди уже, курьерщице. Опоздаешь на почту или в суды – сам перед Воронцовым расшаркиваться будешь.

– Не–не, – помотал головой парень, – идите–ка вы сами к этому мачо–мучачо. А я лучше побегу. Адьос, амигос!

– Странный парень, – подвела итог я, когда лифт увез Серегу.

– Угу. Что есть, то есть. Не в себе маленько. Но работает шустро.

– Рада за него. Пойду я. Кирилл Романович просил надолго не покидать рабочее место.

– Ага, понимаю, – вздохнула Лена. – Подруга, ты только

близко к сердцу все его требования не принимай. Он хороший, правда.

— Когда спит зубами к стенке, — привычно беззлобно огрызнулась я и, поймав удивленный, но довольный взгляд Елены, ретировалась.

Глава вторая

Наступление вечера я встречала с уставшими от постоянной беготни на каблуках ногами и довольной, удовлетворенной улыбкой. Минутная стрелка часов, висящих над дверью в приемной, отщелкала необходимые двадцать минут, в течение которых я то и дело поглядывала на циферблат с тонкими закорючками цифр.

Последняя встреча Воронцова закончилась чуть позже, чем ожидалось — и потому на ужин с клиентом начальник опаздывал. Из офиса он выехал только полпятого, и я действительно надеялась, что к пяти он успешно доберется до ресторана. Себе сделала заметку — никогда не назначать клиентов так близко друг к другу.

Весь оставшийся день Воронцов грузил меня заданиями: взять квитанции в бухгалтерии, передать новые приказы в кадровый и все в подобном духе. И даже несмотря на постоянные забеги по тридцатому этажу, умудрялась встречать назначенных клиентов с улыбкой. Одним из посетителей оказался некий господин Троегородцев, о котором мне ничего не было известно. Однако, он внушал опасения. По глазам

видела, что этот мужчина лет пятидесяти считал не по чину ждать, пока молоденькая секретарша доложит начальнику о его приходе.

Второй клиенткой была женщина – как оказалось, жена высокопоставленного чиновника. С ней я особо и не разговаривала. Хватило ее фразы «Доложите о моем приходе, милочка».

Именно она задержала начальника, и потому, стремительно покинув кабинет, тот, даже не глядя на меня, заявил, что в пять я свободна, если успею просмотреть расписание на наличие оплошностей.

К счастью, график на неделю был еще практически не составлен – колонки напротив временных промежутков сияли белизной. Только понимала я, что дальнейшие вопросы занятости Воронцова решать придется мне. Радовало одно: с обычными гражданами шеф не встречался вообще, с ними работали отраслевые юристы.

Пока прибрала рабочее место, пока собралась сама, Лена уже ушла – хотя я искренне надеялась перекинуться с ней парой слов.

– До свидания! – устало попрощалась с секьюрити на входе и покинула бизнес-центр.

Первый рабочий день официально закончен.

Только сейчас я пожалела, что приехала на общественном транспорте – толкаться в забитой маршрутке желания не было, а ветки метро в сторону дома не существовало. Мысль

вызвать такси отринула сразу же – не по карману, учитывая вынужденный обед в кафе.

Поэтому, тяжело вздохнув, поковыляла на остановку. На удивление нужный мне транспорт подъехал практически сразу. Пришлось постоять, но мечты о горячей ванне и избавлении от надоевшей прически, узкой юбки и высоких каблучков грели душу и придавали мне сил.

Путь до квартиры занимал около получаса, если ехать на автомобиле без пробок. С учетом нынешней дорожной ситуации оказалась в родных пенатах только полседьмого.

Небольшая двухкомнатная квартира встретила меня пустотой. Родители на время папиного отпуска переехали жить на дачу в ближайшем пригороде. И потому царицей всего этого великолепия оказалась я одна. Скинув туфли, завалилась на диван, но трель телефона заставила со стоном подняться и поковылять в коридор – выцарапывать мобильник из нутра сумки.

Звонила мама.

– Да, мам? – зевнув, ответила на вызов.

– Ты почему не звонишь? Мы с папой ведь волнуемся! Обещала сразу же после собеседования набрать, а сама?

– Ну ма–а–ам, – протянула я. – Взяли меня, уже первый день отработала.

– Умница какая, – и мама крикнула куда–то в сторону: – Гоша, дочурка–то вся в тебя!

– Дарья Михайловна, – строго шикнула я. – Потом папе

хвастаться будешь.

– Я рада за тебя, Кирюш. Думала ведь, что столько денег напрасно за обучение заплатили... вы ж с Данилкой–то...

– Мам! – подняла голос я. – Давай не будем, хорошо?

– Да что у вас случилось–то? – я как будто видела, что мама сжала губы.

– Ничего, ма. Просто не сошлись характерами, – родителям я ничего толком и не рассказывала. Нечего им знать такие вещи. Спокойнее спать будут.

– Ну ладно. Тебя можно поздравить: ты теперь юрист?

– Не совсем. Пока на испытательный ассистентом к Воронцову взяли. Слышала о таком?

– Ой, так и не скажешь. Может и слышала, не вспомню. Дочка, а ты уверена, что хочешь быть... – мама замолчала.

– Да там все сложно... Если хорошо себя зарекомендую, то переведут в юристы.

– Вот и здорово! Мы с папой в тебя верим. Гоша, иди накорми пса!

Я хихикнула.

– Ладно, мамуль, я побежала. Мы с Настей договаривались встретиться.

– Только аккуратно, Кира!

– Хорошо–хорошо, ма. Целую, пока.

– До завтра.

Так, теперь можно спокойно отдохнуть и часиков в восемь собираться к Настасье.

Я—таки исполнила мечту всего сегодняшнего дня — приняла горячую ванную с карамельной пеной. С волосами пришлось повозиться — они намертво склеились, и у меня ушла куча времени, чтобы разобрать их и хорошенько промыть. Наспех высушив голову феном, удовлетворенно потянулась — хорошо! Нет, что—то с прической нужно было решать. Каждый день зачесывать гриву назад и затягивать в объемный пучок — совершенно не выход. Такими темпами я вообще скоро без волос останусь.

За шумом фена едва слышала мелодию телефона.

— Кира, ты на часы смотрела? — недовольно забубнила Настасья.

— Нет, а что такое?

— Ты уже как пятнадцать минут должна была быть у меня! Поднимай свой тощий зад с дивана и тащись ко мне! Через полчаса открываю коробку с пиццей. Если не успеешь, будешь глотать слюнки!

— Уже, Насть, не злись, — не стала спорить с подругой, ее все равно не переспоришь. — Только оденусь, сяду в тачку и буду.

— Отсчет пошел, Ржевская!

— Настя! — незнамо кому завопила я. Вот же лиса — уже отключилась. Знает, когда надо сматываться.

По обыкновению вечера в компании Наста обязательно включали в себя алкогольную составляющую, даже если ее изначально и не планировалось. Так что за руль мне точно

будет садиться нельзя, пришлось брать одежду на завтра с собой. Закинула во вместительную сумку темно-синие брюки, хлопковую блузу и мокасины – а с волосами Настасья поможет.

Сейчас же, практически не глядя, нацепила джинсы с футболкой и кроссовки – никуда с подружкой мы идти не собирались. Я не большой любитель всех этих значных мест.

На парковку перед домом подходила с предвкушающей ухмылкой. Как там говорят заядлые автомобилисты? Если уходя от своей машины, ты ни разу не обернешься, значит, ты выбрал не тот автомобиль? В таком случае мне повезло, и я выбрала именно свой.

Лето в самом разгаре – несмотря на девятый час вокруг светло, как днем, но солнце уже клонится к горизонту. Пройдет еще немного времени, и небо затянет алая дымка заката, а на город опустятся сумерки. Время, когда все оживает, и из дневных укрытий показываются стальные хищники.

Автомобили я любила всегда. Но только с Данилом смогла окунуться в мир железных коней с головой, нырнуть в омут сверкающих красавцев, визга резины и раскатистого рычания моторов. За пять лет наших отношений я научилась многому – наверное, поэтому во мне и по сей день жила привязанность к бывшему. Я чувствовала благодарность, считала себя должной... а, как известно, это порой до добра не доводит.

Но, по правде говоря, Данилу я действительно была обя-

зана – как за первый опыт отношений с противоположным полом, так и за свой автомобиль. Подарок, который он не захотел принять назад. Да, я совершила ошибку, когда не заставила его забрать ключи, но настаивать не стала – расставание со своей ласточкой грезилось чем-то ужасным.

Ядовито-белая праворукая японка приветливо моргнула фарами, хищно щерясь изгибами массивного бампера. Если бы не Данил, я бы никогда не смогла исполнить свою мечту – купить едва живую «Селику» и сделать из нее настоящего монстра. Ласково погладила узкую «ноздрю» на капоте. Да, свой автомобиль я нежно любила и лелеяла.

Привычно утонув в невероятно удобных сидениях, завела мотор, одухотворенно прикрыв глаза, когда тот заурчал. Чувства, которые я испытывала за рулем, были сродни эмоциональному оргазму – ни с чем несравнимое удовольствие и банальные «бабочки в животе», о которых так любили говорить романтические дамы.

Дорога, казалось, заняла не больше нескольких минут – я почувствовала чуть ли не разочарование, когда вырулила к одной из многоэтажек в центре города, где снимала квартиру подруга. Юркнула на свободное парковочное место и, оглянувшись на затихшую среди обычных автомобилей, словно белая ворона в кругу черных товарок, ласточку, открыла дверь подъезда любезно предоставленным Настей ключом.

Подруга встретила меня веселым улюлюканьем и сразу же затащила в комнату, едва я скинула кроссовки.

– Ну что, секретарша, рассказывай! – подначивала меня Настя, выставляя на стол бокалы для вермута.

– А ты спрашивай, – хитро прищурилась я, следя за умелыми манипуляциями подруги. Помнится, на втором курсе она подрабатывала в баре – ровно до того момента, пока ее отец, временно живший в другом городе, не узнал о занятиях дочурки. Но тот опыт не прошел напрасно, и Настасья не позабыла науки.

– Так как тебя угораздило секретаршей заделаться?

Рассказала все, как есть, не забыв отметить обещание Воронцова подумать о моем переводе.

– М–да, Кир, ты у меня правда такая debilка или прикидываешься? – развеселившаяся Настя, решила взять быка за рога.

– Это чего это я debilка? – недовольно воззрилась на подругу, но, заметив еще недопитый бокальчик, спешно исправила досадное упущение.

– Доверчивая ты, Кирка. Он тебе лапшу вешает, а ты уши растопырила и глазами хлопаешь. Лань ты моя трепетная.

– А зачем ему меня обманывать?

– Чтобы ты пахала, как проклятая. Поди целый день носилась, как будто пропеллер в заднице?

– Было дело, – согласно кивнула я.

– Так вот, послушай уже опытную сотрудницу! – подняла указательный палец вверх Настя, тряхнув светло–золотистыми волосами. – Не рвись ты. Обязанности исполняй. Я тебе

щас прописную истину открою... – подруга откусила яблоко. – Инициатива наказуема!

Я откинулась на спинку дивана, глядя в потолок – красивый такой, ровными плиточками, ажурный. Да, стоит признаться, что пить я не умела, ибо никогда этим не грешила. Пара бокалов вермута, выпитых после спонтанного рабочего дня да еще и на практически голодный желудок (пара кусочков пиццы и салат днем не в счет), ударили в голову.

Смотреть на практически пустую бутылочку – на душе становилось тоскливо. Понимала ведь, как тяжело будет пережить завтрашний рабочий день. И сама виновата, поделом.

– Запомню, Насть, – зевнула я. – Слушай, а чего там у тебя со Славиком?

– С каким Славиком? – ехидно хмыкнула Настя, а затем выпятила алые губки. – Обиделась я на него.

– И что он опять натворил?

– А, – махнула рукой Настя. Только в руке оказался бокал, и зеленовато–прозрачная жидкость выплеснулась на пол. Настя только приподняла бровь, пока не осознавая масштаб катастрофы.

– Ясно, – хихикнула я.

Отношения Славика и Насти, друживших еще со школьной скамьи, были странными – она постоянно обижалась на него из–за ерунды, а он молча терпел и продолжал ухаживать за ней. Пускай Настя и была мне дорога, но ее поведения я искренне не понимала и не одобряла.

– Доиграешься когда-нибудь, – пригрозила я, – надоест ему твое ребячество.

– А пусть уходит! – насупилась подруга. – Мне мужик нужен, а не мальчик. Хочу быть за каменной стеной! Вот как твой Данил был!

– Ты сейчас серьезно? – тут же спохватилась я. – Или не знаешь, чем это все закончилось? Сама в курсе была, что я даже к тебе в гости на чай заехать не могла.

– Угу, тут ты права, – качнула головой девушка. – Но мужик должен быть мужиком. Кста-а-а-ати, – вдруг игриво протянула она и плюхнулась ко мне на диван.

Чуяла я, что начнется... сглазила!

– Как там Воронцов поживает? М-м-м?

– Да я откуда знаю, – мгновенно вспыхнула я от стыда, но алкоголь все же взял свое и я разоткровенничалась. – Красивый чертяга. Но сволочь редкостная.

– А ты как хотела? – хохотнула Настя. – Не был бы сволочью, давно уже какая-нибудь фифа охомутала. Давай, а?

– Чего давай? – подозрительно уставилась на подругу. Та глядела на меня со щенячьим восторгом.

– Ну ка-а-ак? Ты ж год кукуешь, на мужиков не смотришь! Давай служебный романчик, а?

Я подавилась кусочком яблока и закашлялась. Настя любовно похлопала меня по спине.

– Мать, ты пьяна, – покачала головой, очухавшись и смаргивая выступившие на глаза слезы. – Иди-ка ты спать!

– Я серьезно–о–о–о, Кир. Не, ну а чё? Холостой? Холостой! Красивый? Красивый! Начальники тоже мужики.

– Не–е–е, спасибо, подруга. Мне такого счастья не надо.

– Ну и дура, – надулась Настя. – Зато какая страсть была бы! Ты, он, рабочий стол, – размечталась она.

– Пошли спать, языкастая. Вон уже третий час ночи, мне в шесть вставать, – снова зевнула я. Но Настя, прикорнувшая на мягкой спинке дивана, уже сопела.

– У–у–у, пьяница, – хихикнула я и уложила подругу удобнее – еще шея затечет, этого нам только не хватало.

А сама, пошатываясь, поплелась в спальню. Упала на широкую кровать, закрывая глаза.

Проспала! Эта мысль заставила вскочить с кровати и броситься в ванную – увы, не вышло, голова закружилась, и я со всего маху смачно вписалась лбом в дверной косяк. Мой вопль точно слышали все соседи.

– Ты чего вопишь? – раздался сонный голос подруги.

Потерев отбитое место, повернулась к Насте, силясь не разрыдаться. Мало того, что проспала, так и приду на работу, сияя огромным шишаком, не хуже царевны–лебедь с ее горящей во лбу звездой.

– Бедная моя, – моргнув, кинулась ко мне Настя. – А ну пошли холодное приложим, пока еще не поздно.

Настя отконвоировала меня на кухню, где, достав из морозилки огромный шмат мяса, заставила прижать его к го-

лове. Тяжко вздохнула. Несладко придется, ой как несладко.

– Так чего ты вопила? – ставя чайник, позевывая, спросила подруга.

– Проспали, – только и отозвалась я таким скорбным голосом, что сомневаться в размере грозящих проблем не приходилось.

– Разве? – зажмурила один глаз Настасья, пытаясь взглянуть в экран небольшого магнита с часиками на холодильнике. – Расслабься, еще только пять утра. Можем идти досыпать законный час.

– Ну нет, – вздохнула я, ощущая, как волна беспокойства отхлынула от груди и сдавленное дыхание, грозящее перейти в истерику, выровнялось. – У тебя рассол есть?

– Есть. В холодильнике возьми.

Я хмуро посмотрела на приложенный ко лбу замороженный кусок мяса, перевела взгляд на холодильник, затем снова на мясо. Нет, выбор был очевиден – сначала шишка, потом голова. Хотя, может, и надо было выпить русское народное средство – в голове звенело. Руки мои дрожали, и даже себе я напомнила заправского алконавта.

– Такое не скрыть, – хмыкнула Настя, когда я попыталась попасть пальцем в открытую солонку с солью, но каждый раз промахивалась. После пятой попытки сдалась с обреченным вздохом.

– А может не ходить, а?

– Нехило тебя приложило, – подвела итог Настя. Я вооб-

ще заметила, что для выпившей пол-литра вермута она выглядела слишком бодрой. – И думать не смей! Вчера только устроилась.

– А ты чего такая... живая?

– Потому что я пить умею и не голодаю, – улыбнулась подруга. – А ты нет. Я сейчас поболею маленько и спокойно на работу поеду. А вот, что с тобой делать-то? За руль я тебя не пущу.

– Может, сварганишь чего? Настюш, ну будь лапой, а?

– Ладно, – согласилась подруга. – Только обещай, что выпьешь! Будешь нос воротить, не стану помогать!

Хоть и ожидала от подруги ужасную подлянку, но согласиться пришлось. Другого выбора у меня не было.

Впрочем, через две минуты я пожалела о своем решении. Когда подруга полезла в холодильник за лимоном, я смотрела на нее с интересом. Но после того, как, измельчив половину цитруса в блендере, она разбила в получившуюся смесь два сырых яйца, у меня начался нервный тик. Следом пришла очередь соли и перца.

– Отравить меня решила? – не тая страха в голосе, прошептала я.

– Угу, – кивнула Настя. – Только поздно тебя травить. Ты уже того. На, пей. И не морщись! – еще раз взбив адское зелье, подруга протянула мне кружку.

С сомнением покосилась на густое нечто непонятного цвета, вздохнула и сделала глоток.

– Фу! – не морщиться не получилось.

– До дна пей, – терпеливо, как маленькому ребенку, объясняла Настасья.

– Ты смерти моей хочешь, – попыталась надавить на жалость я.

– Я помочь тебе хочу, дурёха!

Ладно, зажмурившись, залпом влила в себя творение Анастасии.

– Что дальше? – поевшись, убрала кружку в раковину.

– Ждем двадцать минут, – бодро отрапортовала Настя и глотнула рассола из трехлитровой банки.

Я поняла, что подруга у меня настоящая волшебница, когда меньше, чем через полчаса, самочувствие несколько улучшилось. По крайней мере, меня не штормило, голова только ныла, и я даже смогла пройти тест – попасть пальцем в солонку с первого раза. А может, возымели действие и водные процедуры – еще минут десять плескала на лицо холодную воду.

Сейчас, стоя в ванной и разглядывая себя в зеркале, осознавала масштаб катастрофы. Лицо – помятое, покрасневшее после ледяной воды, тушь потекшая, брови, аккуратно подкрашиваемые тенями и карандашом, расплылись. А посерединке лба – нежно-синяя шишка.

– Красавица, – заржала Настя, когда я предстала перед ее очами.

– Помоги мне, – второй раз за утро взывала я к благора-

зумию подруги.

– Из меня вышла бы отличная фея–крестная, – похвасталась Настасья. Сама она выглядела, как человек, – с румянцем, светящимися глазами и ровным цветом кожи. Под глазами только легкие синячки, но тональный крем скроет их в два счета. – Ступай за мной, Золушка! Фея–крестная поможет тебе попасть на бал!

Ровно через сорок минут я второй раз убедилась в талантливости Насти. Я могла бы дать фору любой девице из конкурса Мисс Вселенная. Посвежевшая, как будто даже отдохнувшая, превратилась в нормального человека стараниями золотых ручек подруги. Волосы она закрутила и уложила в крендель на затылке, держащийся за счет тоненькой резинки, поскольку ничего больше у нас не было. Сама Настасья щеголяла длинным каре. Макияж намалевала мне легкий, естественный, умело скрыв шишку на лбу.

Выходила из квартиры походкой от бедра, с поправкой на едва заметные колебания из стороны в сторону. Как же здорово, что не обула туфли на каблуке.

В машину садилась осторожно, приговаривая извинения любимой ласточке, что оскверняю ее своим состоянием. Радовало только, что до офиса рукой подать, минут десять – и я на месте.

Так оно и случилось. Нарочито медленно заехала на подземную парковку, которую и нашла – то не с первого раза, припарковалась. Взглянула на часы – полвосьмого.

– Воронцов будет рад, – хмыкнула я. И правда – надо же похвастаться перед начальством. Дверь бесшумно поднялась наверх – помню, как уговаривала Данила поставить на ласточку «ламбо–петли» . Переставила ножки на бетонный пол, оттолкнулась от руля и резко встала.

Зря. Организм решил опротестовать столь быстрое избавление от похмелья и отключил мне чувство равновесия. Меня повело в сторону, повернуло на сто восемьдесят градусов. Чтобы удержаться на ногах, вцепилась руками в дверь машины. Ключи, зажатые в ладони, с громким звоном плюхнулись вниз.

– Черт–черт–черт, – выругалась, нагибаясь. Не рассчитала – зеркало бокового вида оказалось слишком близко к лицу, и я зацепилась за него носом. Охнула от боли. Ноги подогнулись сами собой, и коленки в чистых брючках как–то неожиданно встретились с пыльным бетоном.

– Ржевская, что у вас там происходит? – раздался за моей спиной голос начальника.

Все так же, прижимаясь коленями к полу, обернулась. Воронцов, облокотившийся о детище баварского автопрома, сложил руки на груди и сверлил меня взглядом.

– Упс, – многозначительно пискнула я.

– Кира, твою ж мать, – Воронцов, видимо разглядевший мое побитое личико, слишком стремительно оказался рядом, помогая подняться. Обхватил горячими руками талию и без особых усилий вздернул вверх. Мда, такта ему не зани-

мать... как щенка упавшего поднял, хотя тех и то под пузико берут и к груди прижимают.

Я тут же отшатнулась от начальника и уперлась пятой точкой в бок автомобиля.

— Кира, — с легкими нотками недовольства произнес Воронцов. — Вы ходячая неприятность. У меня сегодня несколько важных встреч, а вы сияете красным носом!

— Простите, Кирилл Романович, — шмыгнула указанным органом обоняния и тут же скривилась, прикладывая руку к переносице.

— Ржевская! — тут же всполошился начальник. — Дайте я посмотрю, что там у вас.

Попыталась слабо сопротивляться, но Воронцов одним строгим взглядом пресек все поползновения на его авторитет. Послушно опустив руку, скосила глаза, не желая смотреть в глаза начальнику. Какой-то он заботливый... Ну конечно, поступает, как нормальный мужчина, заметивший, что девушке больно.

Воронцов аккуратно приподнял мой подбородок пальцами. Судя по неприятному холодку, поползшему по пояснице, он вперился в меня излишне внимательным взглядом. Когда начальник легонько прикоснулся к носу, зашипела не хуже разъяренной кошки.

— Успокойтесь. Ничего страшного не случилось, — заявил мужчина, нависая надо мной огромной скалой. И я совершила ужасную оплошность — забывшись, перевела взгляд с бе-

тонного пола на Воронцова, встретившись с его серыми глазами, в выражении которых невозможно было не заметить заботу и беспокойство. Приятно... Я уже отвыкла, что мужчина может смотреть на меня вот так – как будто ему не безразлична моя боль. В груди как-то сразу потеплело, и я смутилась. А ну цыть, Ржевская! Что за ересь выдумала? Конечно, ему не безразлично, ты же его сотрудница.

– Какие же женщины все-таки нежные тепличные цветочки, – вдруг проговорил Воронцов, и чувство благодарности резко отхлынуло.

Я-то тепличный цветочек? Да когда я с Мишки головой в препятствие улетела, даже не пискнула! Молча собрала себя с грунта манежа, села обратно в седло и продолжила тренировку. Конечно, уже вечером, придя домой, поняла, что не обошлось – голова дико кружилась, к горлу подступала тошнота. Пришлось ехать в травмпункт, где констатировали сотрясение мозга. А он тут о каком-то ударе о пластик говорит! Потому напомнившая о себе гордость заставила выдрать подбородок из цепких ухоженных пальцев Воронцова – сразу видно, что тяжелым трудом он не обременен. Воронцов хмыкнул, но руки убрал, даже отошел на шаг, переставая давить своей властной энергетикой на маленькую меня.

– Нос вы точно не сломали, крови нет, сильного ушиба тем более. Покраснение скоро пройдет, – хмуро продолжал начальник. – Но лучше приложить лед. На всякий случай.

Угу, чтобы я не встречала клиентов, как Дед Мороз.

– У вас есть аптечка?

– Посмотрите в багажнике, – прищурилась я и, дождавшись, пока Воронцов окончательно отошел, придерживаясь за то же многострадальное зеркало, присела, поднимая упавшие ключи. Несмотря на слегка закружившуюся голову, удержала себя в вертикальном положении.

– В багажнике говорите? – ядовито сказал Воронцов. – Да тут ничего кроме акустики нет!

Не смогла сдержать довольной ухмылки, скользнувшей по губам. Жаль не видела лицо этого... хм, когда он поднял крышку багажника. Я оттолкнулась от белого бока и на удивление спокойно дошла до Воронцова.

Аптечки там не было, в этом я могла быть уверена. Потому что ничего туда бы и не влезло – огромный короб сабвуфера занимал все место. Подсадил меня Данил на хороший звук! Не смогла я отказаться от второго сердцебиения. Вопрос удобства даже не рассматривала – хотя понимала, что, пробей я колесо, даже не смогу его поменять. Не добраться мне до отсека с запаской.

Судя по странному взгляду Воронцова, которым он одарил меня, когда я оказалась рядом, то начальник несколько впечатлен.

– Может в салоне, – пожала плечами.

Воронцов окатил меня волной недоверия нагололом презрением и обошел японку. Коснулся руками дверной ручки и застыл.

– У вас еще и дверь не открывается?

– А вы попробуйте ее вверх поднять, – улыбнулась я. Как же меня грела душу эта легкая издевка над начальником! Как будто я отомстила ему за вчерашние и, заодно, за все грядущие побегушки. Система открывания дверей были и правда хитрая – чтобы дверь поднялась, нужно было потянуть на себя ручку вбок и вверх. Не итальянские спорткары, где «крылья» поднимались сами по себе, а суровая российская «самodelка». Так ведь и я не дочь миллионера.

Воронцов заглянул внутрь салона с таким видом, как будто это он издевался надо мной, а не наоборот. Мысленно я уже потеряла лапки, готовясь к новым вопросам, но их не последовало. Через мгновение начальник подошел ко мне уже с аптечкой. Как он догадался, что она в бардачке? Открыв небольшую коробку на крыше машины, нашел охлаждающий пакет и, проделав необходимые манипуляции, передал мне.

– Приложите, – и голос опять такой властный, что даже не по себе становится.

Пришлось послушаться. Пока прижимала холодный пакет к носу, рассматривала молчащего шефа. Сегодня он был одет в стального цвета костюм, прекрасно гармонирующий с его наглыми серыми глазами. Галстука не наблюдалось.

Пока лечила нос, Воронцов вернулся к своему автомобилю, забрал дипломат и теперь терпеливо ожидал чего-то. Неужели меня?

– Пойдемте, Кира. Вам придется выполнить для меня несколько важных заданий.

Я непонимающе взглянула на начальника. Время–то! Еще же восьми нет.

– Это срочно. Чем быстрее вы их выполните, тем будет лучше.

Вздыхнув, закинула пакет в салон и закрыла машину. К начальнику подходила, стараясь полностью контролировать свои движения. А уж когда мы оказались в лифте, поднимающемся до главного фойе, даже задержала дыхание и постаралась прикинуться невидимкой – похоже резерв терпения у Воронцова на сегодня я исчерпала глупым желанием чуточку отомстить. По–детски, знаю.

– Не забудьте почистить брюки.

– Я помню, Кирилл Романович.

Вот и весь диалог. Начальник даже не смотрел на меня, пока мы поднимались. А когда добрались до фойе и, пройдя турникеты, вошли в другой лифт, вообще вытащил из внутреннего кармана пиджака телефон и позвонил.

– Медведев, – практически прорычал Воронцов. – Где документы? Ты должен был отправить их еще позавчера. Как это «еще не подписали»? Я тебя зачем отправил? Это только предварительный договор? Что же ты раньше не сказал? Вот черти. Нет, не уверен. Белоярцев тоже мне не звонил. Что? Видел шавку Державина? – начальник на мгновение замолчал, а затем продолжил тихим, с легко заметной угрозой, го-

лосом. – Раз контрагент Белоярцева нанял этих прохиндеев, ты сам должен понимать, чем пахнет. Что хочешь делай, но они должны подписать договор на таких условиях, которые выгодны Белоярцеву и нам лично! Какой еще протокол разногласий? Шли их к черту! Только по нашему варианту. Женька, я знаю, какой ты специалист. Мы обязаны утереть нос Державину. Нет, не потому что я все еще не могу забыть подлянку с этой дурой. Это дело принципа! Ладно, иди. Отзовонись сразу же!

Пока Воронцов разговаривал, невольно вслушивалась в слова. Значит, сейчас «Немезис» и «ЮрИнвестКомпани» занимаются сопровождением одной и той же сделки. Интересно...

Из лифта начальник не вышел, нет, вылетел, не забыв мне кинуть:

– Как почистите свое перышки, сразу же ко мне! Кофе не забудьте!

– Вот же... пень, – не удержалась я. – Точно трудоголик. Брюки я почистила быстро – благо сильного загрязнения не оказалось. Но все равно немного задержалась возле раковины, облокотившись на нее и рассматривая себя в зеркале. Синяка, замазанного тональным кремом, видно не было. Нос... нос тоже выглядел вполне благопристойно.

– Вы будете довольны, Кирилл Романович, – скривилась. – Секретарша не посрамит вашу честь!

В ватной голове немного шумело. Общее состояние... ни-

какое. Настасьино зелье хоть и подействовало, но полностью излечить от похмелья не смогло.

К Воронцову шла нарочито медленно, любуясь пустым офисом. Через час начнется мельтешение, появятся сотрудники и будет щебетать на ресепшене Лена, а пока на тридцатом царило безмолвие, нарушаемое лишь легким гулом работающего кондиционера.

– Ваш кофе, – поставила перед начальником поднос с чашкой. Хотя даже тут что-то заставило поступить по-своему: тихонько, чтобы Воронцов не услышал, как мышка, прокралась в приемную с чашечкой горячего напитка для себя, а только потом вернулась к кофе-машине за порцией шефа.

Мужчина, устало откинувшийся на спинку шикарного офисного кресла, смерил меня взглядом.

– Вот видите, ничего страшного. Даже следа не осталось.

– Я вроде и не жаловалась, – все-таки ответила я после короткого мысленного диалога: сказать или не сказать?

– Ну-ну, – заметил Воронцов, пододвигаясь ближе к столу и делая глоток из чашки. Я, как замороженная, наблюдала за шефом. В голове роились мысли, но самой главной из них была одна: как же хотелось вернуться в приемную и выпить свой напиток. – Присядьте, Кира. Вы слышали мой разговор с Медведевым. Мне еще вчера следовало ввести вас в курс дел. «ЮрИнвестКомпани». Вам о чем-то говорит это название?

Я сцепила руки в замок.

– Немного. Елена кратко рассказала мне о том, что они наши соперники.

– Верно, – кивнул Воронцов. – Наши юридические фирмы довольно длительное время представляют интересы крупных компаний и холдингов. Зачастую на переговоры для заключения договоров приглашают и нас, и юристов «ЮрИнвеста». Вы должны были знать, что сопровождение сделок – один из главных видов деятельности «Немезиса». Нам платят за то, чтобы заключенный договор был выгоден прежде всего нашему клиенту. Интересы контрагента нас никоим образом не касаются, хотя не учитывать их невозможно.

Первое, что на всю жизнь должен запомнить грамотный юрист, Кира, – успех переговоров напрямую зависит от того, сможете ли вы заставить вторую сторону считать, что ей будет выгоден договор. Даже если права стороны ущемлены, а все риски возлагаются только на нее, или согласно тексту она становится зависимой и ведомой. Они должны верить, что это именно они инициаторы данных условий. Это их прямое волеизъявление, Кира, не ваше.

Но в «ЮрИнвесте» тоже работают не дураки. На данный момент это единственная контора, которая заставляет считаться с интересами их клиентов. Они профессионалы, не хуже нас. Но между нами существует одна огромная разница. Знаете, какая?

– Мы действуем в рамках закона? – нахмурилась я.

– Не совсем, – усмехнулся Воронцов. – Мы никогда, ни

при каких обстоятельствах не переходим на личности и, тем более, не пытаемся завладеть информацией о действиях конкурента.

– Играем честно, – хмыкнула я.

– Именно так. Конечно, иногда хочется отступить от этого правила, но растоптанная в пыль репутация не важнее миллионов, обещанных клиентом. Цель, Кира, никогда не оправдывает средства. Будь вы хоть каким талантливым юристом, но если вы пойдете по головам, рано или поздно все вскрыется. Падать низко – больно. Еще больнее видеть, как рушится все то, что вы наработали годами.

– Вы же сами только что говорили, что интересы клиента на первом месте.

– На первом, Кира. Но нужно выбирать способы, с помощью которых вы будете добиваться нужного результата. Нельзя позволить клиенту себя скомпрометировать. Сегодня он ваш, платит вам большие деньги и лебезит. А завтра вы станете неудобны, и глубоко пожалеете, что появились на свет. Это мир серьезных людей и больших возможностей.

– А «ЮрИнвестКомпани» не поддерживают эту позицию?

– Заслуга Максима Алексеевича Державина в том, что он научился ходить по лезвию ножа, мастерски избегая опасности. Он готов на все, чтобы ему заплатили.

Сейчас, когда Воронцов объяснял мне суть ведения дел, я полностью утвердилась в мысли, что правильно поступила, согласившись на эту работу. Где еще я почерпну такую ин-

формацию? Да и когда разговор заходил о деле, то начальник преображался. Я видела, что он без ума от своей работы, что всю жизнь он готов положить на алтарь юриспруденции.

Мне льстило, что Воронцов решил рассказать обо всем. Как будто бы он видел перед собой не молоденькую секретаршу без опыта работы, а опытного, закаленного коллегу. Человека, который разделяет его точку зрения.

– Не сомневаюсь, что Елена уже рассказала о вашей предшественнице.

Я неуверенно кивнула.

– Так вот, Кира. Договоримся на берегу. Если я узнаю, – на скулах Воронцова проступили желваки, – что вы якшаетесь с «ЮрИнвестом», клянусь, я не только прогоню вас прочь, но и сам, лично, превращу вашу жизнь в ад.

Внимательно разглядывала лицо Воронцова. Он не блефовал. Знала, что поступит именно так, как говорит. В его силах растоптать не только меня, но и мою семью. А потому вздернула подбородок:

– Я понимаю вас, Кирилл Романович. Можете быть во мне уверены.

Начальник несколько долгих мгновений буравил меня взглядом, как будто искал малейший намек на фальшь. Увидел ли он что-нибудь? Не знаю, потому что постаралась надеть на лицо холодную маску безразличия. Если задуматься, то как мне вести себя? Не написано же у людей на лбу, что они работают на конкурента. Хотя, конечно, я преувеличи-

ваю. Понятно, что он имел в виду – не сливать информацию, не говорить лишнего. Наверное. С него–то станется...

– Посмотрим, – наконец, отозвался Воронцов. – Надеюсь, вы поняли то, что я пытался до вас донести. Еще. Относительно господина Державина – он довольно часто приходит в офис, почти всегда без предупреждения. Поэтому, как только он появится, сразу же докладывайте мне. И старайтесь не пускать его гулять по этажу.

Вопросительно свела брови к переносице. Это как? Кинуться грудью на амбразуру, заслонив дверной проем, и на манер Кинг–Конга колотить кулаками с гневными воплями «Ты не пройдешь?».

Хотелось озвучить свои мысли, но понимала, что Воронцов не оценит. Не угадала.

– Судя по вашему выражению лица, вас посетили правильные мысли. Можете именно так, а можете просто отвлечь разговором. Фильтруя то, что говорите, конечно.

То есть он предлагает мне флиртовать? А как еще можно отвлечь мужчину, пришедшего в обитель соперника, причем, скорее всего, с определенной целью? Что–то я не пойму...

– А теперь к делу. В среду вернется Евгений Васильевич. К этому времени ремонт на тридцать первом должен был быть закончен. Ваша задача – проконтролировать переезд из этого кабинета на этаж выше. То же самое относительно кабинета Евгения Васильевича – все вещи аккуратно собрать,

передать грузчикам и аккуратно разобрать. Начать можете сегодня, пока я отсутствую.

Странное задание. Хочет устроить проверку? Не стащу ли какие–нибудь документы? Скорее всего. Такая предвзятость к моей персоне раздражала.

Кивнула.

– Через час хочу наблюдать на своем столе анализ судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Поручаю это вам, потому что сотрудники придут только к девяти, а анализ мне нужен срочно. Затем я уезжаю к Деменеву. Вы остаетесь здесь и составляете мое расписание на следующую неделю. Список необходимых встреч, которые нужно назначить, найдете в ежедневнике. Марина предпочитала записывать все вручную – в электронном календаре только уже назначенные и согласованные.

Так вот почему расписание было практически пустым... Предыдущая секретарша, похоже, делала все в последний момент. Хотя мне казалось более логичным составить план на месяц заранее – так и клиентам удобнее, и начальнику проще ориентироваться.

– Если Медведев отправит документы, передайте в гражданский отдел. После зайдете в арбитражный, узнаете насчет успехов по делу Троегородцева. Как только я уеду снова, можете приступить к упаковке вещей в кабинете Евгения Васильевича. Поняли? Отлично, не смею вас больше задерживать.

Медленно поднялась со стула и отправилась выполнять поручения. Эх, и как мне пережить этот день?

Глава третья

Кофе остыл. Уже только из-за этого можно было ненавидеть сегодняшний день. Идти за новым оказалось лень, поэтому, устроившись за ноутбуком, пыталась сосредоточиться на тексте. Черные закорючки букв замельтешили перед глазами, а потом и вовсе расплылись окончательно.

– Нет, так не пойдет, – я устало потерла виски, зевнула и зажмурилась. Даже с опущенными веками привычная темнота не наступила: то и дело вспыхивали разноцветные пятна. Организм старательно намекал на свое состояние и нежелание работать. Еще и это дурацкое задание! Да тут минимум часа четыре сидеть, чтобы привести в удобоваримый вид правовые позиции суда! И Воронцов об этом прекрасно знал. Поэтому потратив еще некоторое время на гимнастику для глаз, поступила умнее: волшебный запрос в поисковике и та-дам! Мне не просто повезло, а несказанно повезло. Под первой ссылкой, с пылу-жару, томился совсем свежий обзор практики по рассмотрению нужных мне категорий дел, утвержденный Президиумом Верховного Суда. Отлично! Наскоро пробежала его глазами – конфетка. Уж лучше опытных и грамотных судей мне точно не сделать.

Знал ли Воронцов о появившемся этой весной обзоре? Не мог не знать. А значит... проверял мою смекалку. Или

я слишком хорошо о нем думаю? Быстро распечатав документ, решила, что идти прямо сейчас не стоит – сказал через час занести, значит, через час. Потому все оставшееся время провела с пользой – развалилась на стуле и, прикрыв глаза, дремала. Если из кабинета выйдет начальник, мало не покажется. Но я же всего лишь чуточку. Ничего страшного не случится, ведь так? Я же совсем не выспалась! А из-за двадцати минут дрёмы мир не извергнется в Тартар.

Ради приличия даже пыталась отказаться от рискованной затеи – уперлась ладошками в щеки, локти на стол водрузила и насильно заставляла себя смотреть на экран. Напрасно – веки смежались сами собой. И тогда, предварительно поставив на всякий случай будильник, решилась. Откинулась на спинку стула и с неописуемым чувством удовлетворения закрыла глаза. Мрр, рай!

Проснулась от стойкого ощущения чужого присутствия. Тут же распахнула глаза, и еще сонным взглядом заметила тонкую фигуру. Моргнула; расплывшаяся картинка собралась воедино.

– Ну ты даешь, – хихикнула Лена.

Шатенка прижалась спиной к двери начальника – не выпускает его, что ли?

– Рисканая девчонка. Но везучая. А если бы я Воронцову документы не понесла?

Я подавила зевотку и потянулась – затекла–таки шея! Покачала головой, разминая мышцы, и выразительно посмотрела

на Елену.

– У–у–у, ясно все с тобой. Можешь не объяснять. Веселая ночка, – снова хихикнула девушка, а затем мигом посерьезнела: – Короче, у тебя одна минута, чтобы очухаться.

Мне несказанно повезло – у Золушки из известной сказки была одна фея–крестная, а у меня целых две! Надо прекращать вести себя так по–детски, рассчитывая на удачу. Комфортной и беззаботной жизни под крылышком мужчины больше не будет.

Подошла к зеркалу, висящему справа от входной двери. Хм, ладно хоть макияж не размазался. Снова поморгала, аккуратно пальчиком подтерла след от туши. Еще и крендель, завернутый Настасьей, крепко держался. Даже удивительно.

В тот момент, когда уже взяла кипу листов в руки, Лена отскочила от двери – вышел Воронцов, подозрительно перевел взгляд с родственницы на меня и обратно.

– Елена? Вы должны быть уже на рабочем месте, – строго отчитал он.

– Я уже там, Кирилл Романович, – широко улыбнулась шатенка и, звонко цокая высоченными шпильками, покинула приемную. Хорошо быть в родстве с начальством – не уволят, это точно.

Пока гневный взгляд Воронцова не пал на меня, быстро взяла ситуацию в свои руки:

– Кирилл Романович, я как раз иду к вам. Вот, готовый анализ судебной практики.

Передала листы начальнику – тот взял их с подозрительно хитрой улыбкой. Или показалось? Несколько мгновений молчал, вчитываясь, а затем удовлетворенно хмыкнул:

– Молодец.

Неужели меня похвалили? Даже приосанилась, выпрямив спину и гордо задрав подбородок.

– Вам повезло, Кира, – вдруг осадил обрадованную меня Воронцов. – Обзор от Верховного Суда несомненно лучший вариант, если бы я выбирал из него и лично составленного вами анализа. Но повторю, вы молодец, что догадались.

Подсластил–таки пилюлю. Хотя, если честно, я понимала, что начальник полностью прав. Год назад я уже почти смирилась с мыслью, что буду заниматься только домом и гипотетическими детьми.

Получая диплом на торжественном вручении, видела радость одногруппников, но не могла ее разделить. Данилу не нравилось, что я учусь на юридическом. Я с боем отвоевала у него поступление, хотя он настойчиво уверял, что самым выгодным вариантом для меня будет учиться на управленца. В университете, где обучался он, и где, выражаясь его словами, «особо трудиться не придется». Мой выбор он припоминал мне каждый раз, когда я сталкивалась с трудностями и просила его о поддержке – укорял, что послушалась бы его и проблем не знала. Впрочем, после того, как отвоевала свою свободу, не пожалела о четырех годах учебы. И пускай я определенно проигрывала моим однокурсникам, которые

занимались научной деятельностью и тесно общались с преподавателями. Раз уж пришлось начинать жизнь с чистого листа, то постараюсь подарить плоть и кровь еще детским мечтам.

Воронцов, как и говорил часом ранее, уехал. Мне же было так совестливо из-за сна на работе, что заставила себя составить расписание, не отвлекаясь на другие дела. Голова кипела: если раньше мне казалось назначить несколько встреч делом легким и быстро выполнимым, то сейчас эта иллюзия разрушилась.

Итак, к пометке «только на следующей неделе!!» прилагались пять встреч с корпоративными клиентами, две предварительные консультации и одни переговоры по изменению условий контракта. Если последние оказались уже назначены, то с остальными возникли проблемы. Во-первых, к каждому клиенту прилагался список требований к назначенной дате и времени. Во-вторых, нужно было оставить Воронцову время для работы с документами и решения других задач. В-третьих... в-третьих, уже раскидав по календарю большую часть необходимых событий, перевернула страницу ежедневника и страдальчески застонала. Слепая ворона! Упустила из вида судебные заседания, на которые обязан был явиться Воронцов.

— Глупая, глупая секретарша, — бубнила себе под нос, переправляя расписание. — Какая тебе юриспруденция?! Ты даже элементарное сделать не можешь!

Но, к счастью, все имеет свойство заканчиваться. Так и задание шефа оказалось выполнено. Посмотрела на часы – как раз вовремя, обед на носу.

– Трудоголик начинающий, – в кабинет заглянула Лена, – а ну бегом в кафешку! Пищей духовной сыт не будешь.

– Угу, расписание Воронцова – пища духовная? – усмехнулась я, собираясь.

– О–о–о. Представляю. Завалы Мариночкины разгребала?

– Именно так.

На самом деле я понимала, что придется что–нибудь решать с обедами – постоянные трапезы в кафе позволить себе не могла. На бензин и так пришлось в этом месяце у отца занимать, хотя я старалась эксплуатировать автомобиль только в самых крайних случаях, если на общественном транспорте никак не добраться. Он–то с улыбкой убеждал, что возвращать не нужно, но я так не могла.

Прежде чем устроиться в «Немезис», я год проработала в своем конноспортивном клубе. Делала то, что умела лучше всего и ради чего жила, пока не познакомилась с Дániлом – занималась с лошадьми, помогала частным владельцам. Денег любимое занятие приносило не так, чтобы много – все–таки ни тренерской квалификации, ни соответствующего образования у меня не было. Ведь даже в этом деле «корочки» решали многое. Ты можешь быть самым крутым в мире тренером, но без подтверждающих бумаг мало кто будет к тебе

обращаться. Занятия с начинающими всадниками не были очень прибыльным делом, а до спортсменов высокого уровня мне еще топать и топать.

Жила с родителями и ощущала себя виноватой. Мне и сейчас казалось, что я их обременяю. Ну разве это дело в двадцать два сидеть у них на шее? И пусть до этого я кучу лет пыталась создать семью с Данилом. Поэтому, чувствуя скребущих на душе кошек, старалась сделать жизнь родителей комфортнее. Так что, чтобы заработать необходимый минимум, с утра до вечера пропадала на работе, а потом занималась домашними делами.

Я с детства мечтала связать жизнь с лошадьми, но за этот год поняла, что мечта оказалась несколько... не соответствующей современным реалиям. Потому решила устроиться на хорошую работу, чтобы обеспечивать себя и, по возможности, родителей. Лошади остались, но ушли на второй план.

– Кирюш, а расскажи о себе?

Мы с Леной мило щебетали в кафе.

– А что тебе интересно? – ответила вопросом на вопрос.

– Да все, – пожала плечами шатенка.

Никогда не любила изливать душу – если подумать, то из истории моей жизни можно было сделать один вывод, и он был бы верным лишь отчасти. В любом свете я выглядела как, цитирую, «зажравшаяся избалованная девочка, которой стало мало того, что она имеет». А именно: любящие родители – две штуки, заботливый мужчина, который создавал

для меня райские условия, о которых другие и мечтать не смели – одна штука. Собственный автомобиль – одна штука. Идеальная жизнь без проблем и трудностей – одна штука. С того и начала.

– Еще учась в школе, познакомилась с обалденным мужчиной. Жила с ним в течение четырех лет во время учебы в универе, бед не знала. Не работала, сидела дома, наслаждалась жизнью. Потом зажралась, заскучала. Надоела безбедная и беззаботная жизнь, поэтому бросила его. Год крутила хвосты лошадям, а сейчас решила – таки занять себя настоящим делом, – серьезным голосом выдала я и отпила сок.

Судя по расширенным глазам Лены, она немножко в шоке.

– Ты сейчас серьезно?

– Конечно, серьезно, – кивнула я.

Я ведь не слепая и не глухая – прекрасно знала, что обо мне думали люди. Не заметить было невозможно. Но пытаться переубедить кого-то, доказывая, что я не такая... а на кой ляд, спрашивается? Может и правы окружающие: с жиру я бесилась. Вот и добесилась. О чем ни капли не жалею. Жалко только, что Данилу четыре года жизни подпортила – он ведь серьезно был настроен: свадьба, дети, совместная старость. Короче, стерва я. Он ведь и так был старше меня, на целых семь лет. Если честно, я по сей день не понимала, почему он вдруг ответил взаимностью, когда я, семнадцатилетняя шпана, вдруг стала строить ему глазки.

– Притормози. И давай по порядку, – тряхнула головой Лена.

– По порядку некогда. Скажу так: из меня хотели сделать идеальную жену. Пока я была не испорчена благами цивилизации. Но, как видишь, не вышло. Не идеальная я, Ленка. Стерва, – хихикнула.

Допила одним глотком сок и встала.

– Ну, я побежала. Обед закончен. Если хочешь, поговорим на выходных. Ты вечером меня дождись, договоримся.

И, не дожидаясь ответа, рванула обратно в офис.

Чуйка не подвела. Воронцов уже вернулся и перебирал папки в приемной.

– Пообедали? – не успела я переступить порог приемной, улыбнулся начальник.

Я так и застыла, хлопая глазами не хуже куклы. Почему-то в голове сидел стереотип – Воронцов – строгий, жестокий работодатель, которому и дела нет до сотрудников. Спасибо желтым газетенкам. Еще утром я была о нем именно такого мнения. Но то, с каким искренним интересом и переживаниями, он произнес простую, казалось бы, фразу привело к странному результату – лед тронулся. Взглянула на начальника совершенно другими глазами. Мужчина, очень привлекательный мужчина. Внутренний голос ядовито каркнул: «А раньше не замечала как будто?». А ведь и правда. Не замечала. Даже рано утром, когда он вдруг решил помочь охладить отбитый нос, я не рассматривала его именно в та-

ком ключе.

Хм... Лена заикалась о том, что ему ближе к тридцати. Опасный возраст. Один раз я уже обожглась, раскрывшись мужчине старше себя. Но этот вроде не такой... вряд ли стремится к семье и дому.

Да и точно ли Воронцов на встрече был? Глаза сверкают серыми агатами, на губах блуждает довольная, даже самодовольная, я бы сказала, улыбка. Стоит расслабленно, что даже сомнения не остается – этот человек всегда будет чувствовать себя в своей тарелке. Несколько верхних пуговиц на белоснежной рубашке расстегнуты, открывая вид на скульптурную благородную шею. М–да, оценивать мужчину, как племенного жеребца, – по шее, – это нормально?

Похоже Воронцов заметил мой взгляд, который из удивленного перерос в изучающий. Едва сдержалась, чтобы не облизнуть нижнюю губу – ну да, вполне ничего. Я бы даже сказала...

– Ржевская? – начальник нахмурился, захлопнул папку. – С вами все в порядке?

– Все хорошо, Кирилл Романович, – отгоняя нахлынувшие мысли, постаралась ответить громко. Но все равно голос прозвучал едва слышимым шепотом.

– Тогда подойдите ко мне. Обсудим составленное вами расписание.

Подойти? К вам? Сейчас? А может не надо? А то что-то мне нехорошо... И все-таки медленно, шагок за шагочком,

приближалась к шефу. Вернув папку на полку, он подошел к компьютеру со стороны моего стула.

– Сядьте, Кира. Мне не нравится ваша бледность.

Села. Скромненько сжав ноги, напрягшись и выпрямившись, будто шпагу проглотила. Воронцов встал чуть сбоку и облокотился о спинку стула. Так что мы оказались ближе, чем следует. Вся обратилась в слух – даже несмотря на легкое жужжание кондиционера слышала глубокое дыхание стоящего возле плеча мужчины. Сделала глубокий вдох, успокаивая подскочивший пульс – зря. Тут же уловила парфюм начальника – волнующий, притягательный, пряный с практически неуловимыми древесными нотками. Не резкий, не приторный, он не раздражал обоняние. Наоборот, оставлял за собой тянущийся шлейф недосказанности, суля что-то приятное... И чем сильнее раскрывался букет аромата, тем больше хотелось ощущать его. Дышать чаще, глубже. Я была уверена – в этот момент показавшейся Воронцову бледности быть никак не могло. Слишком сильно горели щеки.

– В–вот, смотрите, – слегка дрожащим голосом начала я. Неужели настолько соскучилась по мужскому вниманию, что даже такая совершенно невинная и вынужденная близость будоражит мысли?! – Понедельник я разгрузила – пришли документы от Медведева, и я подумала, что вы захотите заняться делом Белоярцева вплотную. А в четыре у вас переговоры по изменению договора.

– Хорошая мысль, Кира. Мне нравится, продолжайте, –

чувствовал ли Воронцов, как влияет на меня? Но как бы то ни было, его голос прозвучал вдруг хрипло. Или это мне опять кажется? Расшалившиеся чувства заставляют слышать то, что хочется?

– Во вторник – две встречи. В одиннадцать и в три... – какого же труда мне стоило заставлять себя говорить уверенно.

Воронцов внимательно выслушал предстоящее расписание и молчал еще несколько мгновений. Спина заныла от неестественной позы, хотелось уже расслабленно откинуться на спинку стула, но я боялась.

– Меня все устраивает, Кира Георгиевна, – впервые начальник обратился ко мне так официально. – Не ожидал, признаюсь. В вашем варианте выходит, что вторник, среда и четверг нагружены равномерно, а первый и последний день недели предназначены для работы с документами. Одобряю.

– Спасибо.

– Единственное, мне не нравится, что Троегородцева вы назначили на утро. Неужели я настолько ужасный начальник, что вы желаете испортить мне весь день? – ухмыльнулся Воронцов. – Поверьте, это будет слишком жестокой карой. Господин Троегородцев – специфический человек, так что поменяйте его местами с Ефремовой.

– Хорошо, Кирилл Романович, – согласилась я. Хоть какое-то спасение! Так, подкатить стул к компьютеру поближе, чтобы избавиться от интригующего парфюма. Когда обернулась к мужчине, показывая, что выполнила указание, он до-

вольно кивнул.

— Было бы неплохо, если бы вы продолжали в том же духе. Будете работать так же — и ваш испытательный срок подойдет к концу. Пока вы меня полностью устраиваете, Ки-ра. Несмотря на утреннюю несуразицу. Посмотрим на следующую рабочую неделю. Вы помните, что нужно зайти в отраслевые отделы? Тогда сейчас распечатайте то, что прислал Медведев. Одну копию — мне, еще три в «союшный». В арбитражный не заходите, с Троегородцевым я уже связался лично.

Работа—работа—работа. Никогда бы не подумала, что буду радоваться заданиям. Как только Воронцов скрылся в кабинете, смогла выдохнуть. Даже расстегнула пуговку на рубашке под горло. Жарко. Или горячо? Хотя без разницы — суть одна. Зря я поменяла свое мнение о шефе. До этого было гораздо проще.

И все—таки я уверена, что не был он ни какой встрече. А может и был... но не все время отсутствия. Откуда мне знать? Просто чувство, обыкновенная женская интуиция.

Остаток дня прошел как будто в дымке — я все думала о своей реакции на приятный аромат парфюма Кирилла Романовича. Конечно, заядлой скромницей я не была, но привыкла скрывать свои желания и мысли. И тем более, если эти мысли касались людей, от которых я нахожусь в зависимости.

Я столько лет жила с оглядкой на реакцию Данила, что пе-

рестала замечать, как замыкаюсь в себе. Потому что любой мой заинтересованный взгляд мог быть воспринят как повод для хорошей головомойки. Нет, не сразу, далеко не сразу мой любимый мужчина превратился в столь рьяного собственника. Сама виновата – сначала было приятно. До чертиков приятно. А какой женщине не льстит, когда мужчина, ее мужчина, провожает других парней, посмеявшихся только на нее взглянуть, хищным, ненавидящим взглядом. Вот и я сначала таяла, улыбалась, видя такую реакцию. Мне льстило. Впрочем, как и льстит молодой девушке внимание противоположного пола. Вот только я не успела заметить, что этот хищный орлиный взгляд переключался с потенциальных соперников на меня.

Все друзья оказались позабыты – мне пришлось сделать выбор: они или Данил. И я, по уши влюбленная в сказочного принца, рядом с которым можно было ни о чем не волноваться, легко сделала этот выбор. Затем подверглись тщательному контролю странички в социальных сетях. Скажете: абсурд? Да как бы не так! Из двухсот контактов осталось тридцать: и то все девушки. Окончательной фазой помутнения рассудка стало вычитывание моих сообщений. И хуже всего то, что я сама разрешала я. А как не разрешить, если тебя обвиняют в том, что ты что-то скрываешь?

Нечего скрывать? Так докажи.

Поначалу я пыталась огрызаться, уверять, что ничего ужасного я подругам не пишу, о мужиках мы не разговари-

ваем и вообще обсуждаем только важные темы. Только вот Данил был непреклонен: не нравятся мои условия, собирай вещи. А я... я так держалась за наш маленький мир, привычный, безопасный, комфортный, что не могла даже представить жизни без него. И он этим умело манипулировал.

Я не знаю, почему вечером, уходя с работы, предложила Лене подвезти ее до дома. Наверное, из-за того, что, медленно складывая вещи из кабинета Евгения Васильевича, напряженно думала, гоняя неприятные мысли. Как будто снова оказалась в золотой клетке. И поговорить-то было особо не с кем. Настасья уехала. А других людей, настолько близких, с кем я бы могла поделиться, не существовало.

Лена внимательно слушала, не перебивала, пока я, вцепившись в руль, рассказывала историю своей жизни. Милой невысокой шатенке с добрыми и ласковыми карими глазами, в которых проглядывали золотые искорки, хотелось доверять.

– Поэтому я не могу смотреть мужчинам в глаза, мне становится страшно. Страшно, что придет Данил и, опалив меня ледяным взглядом, процедит: «Собирай вещи и вали». А я бы спросила: «Почему?». Его ответ был не менее оригинальным: «Потому что тебе меня мало».

Мельком взглянула на затихшую шатенку. Заметив мой взгляд, Лена покачала головой:

– Кирюш, прости, но...

– Я ненормальная дура, – рассмеялась я. – Я знаю.

– Это, конечно, психологическая травма, и мне тебя искренне жаль. Но и ты сама виновата в токсичности этих отношений.

– Я знаю, – качнула головой. – И от того еще хуже. Иногда думаю – а что было бы, если я стойко держалась, когда он проверял границы дозволенного? Наверное, если бы сразу обсудили все вопросы и определили рамки, все могло бы сложиться по-другому.

– Нет, тут ты не права. Не могло. Как ты днем выразилась? Он хотел сделать из тебя идеальную жену? Вряд ли в это понятие вписывалась свобода женщины. И все равно. Столько лет! Да ты себя ведешь, как только поступившая в университет семнадцатилетняя девчонка. Тебе же двадцать два, Кириш! Очнись. И этот твой Данил больше не придет. Я вот только одного понять не могу: почему столько лет поощряла такое отношение? Почему не ушла?

– Любила, – скривила я губы. – И сейчас люблю. Наверное. Не знаю. Не помню, что такое любовь. А может любовь прошла через год, осталась только привычка. Не знаю, – ударила руками по рулю.

– Успокойся, истеричка, – отрезвила меня Елена. Я начала любить ее за прямолинейность. – И послушай меня сюда. Мне глубоко похер, что там у тебя было и почему ты ходишь такая пришибленная. Меня это совершенно не колыхит. Знаешь, почему?

– И почему же?

– Потому что ты мне нравишься, Кира Ржевская. И я рада, что ты пришла к нам в «Немезис». Я вижу, что ты хорошая девчонка. Интересная, целеустремленная, мечтательная. И, твою ж мать, я буду не Еленой Владимировной Леденниковой, если позволю тебе скатиться до психушки!

Ленина тирада впечатлила.

– И я уверена, что Настасья твоя поддержит меня. Так что требую, чтобы ты нас познакомила. И вообще. Я тебя как бы уже в подруги записала. А своих я не бросаю. Ясно тебе всё?

– Вы точно родственники, – не смогла сдержать улыбки. – Командуешь точь–в–точь, как Воронцов.

– Еще бы, – довольно задрала нос Лена. – Я тебе все сказала. А ты думай, размышляй. Придешь в понедельник такой же ханжой – я тебе кузькину мать покажу!

– Я не могу ничего обещать, Лен.

– А вот фиг тебе! Пообещаешь, как миленькая.

И я пообещала. Провожала взглядом тоненькую фигурку Лены, стремительно шагающей к подъезду, и понимала, что несмотря на внешнюю хрупкость шатенка гораздо сильнее. Сильнее меня. В ней был внутренний стержень, негибемый, который невозможно сломать. И я буду настоящей дурой, если откажусь от помощи новой подруги.

Всегда любила ночной город. Было в нем что–то противоречивое: казалось, мегаполис оживал, сверкал тысячью неоновых огней, витрин и гирлянд, опутывающих деревья. Че-

рез опущенное окно в салон залетал ветер, и я не могла им надышаться. В такие моменты все становилось неважным.

– По проводам... грусть свою и мысли я передам, – подпевала я певице, чей голос лился из динамиков.

Остановилась на светофоре и добавила громкости. Сердцебиение сабвуфера ненавязчиво вступило в мелодию, пронзив грудь тысячами осколков. Никогда не считала себя романтичной и сентиментальной особой, но ночь и правда была замечательной. Теплая, летняя... и только моя.

Иногда нужно было остаться наедине со своими мыслями. Дорога, автомобиль и ты. В такие моменты разум вдруг становился кристально чистым и можно было по-новому взглянуть на проблемы и печали.

Не знаю, почему потянуло в знакомый район. Задумчиво глядела на свет, горевший в одном из окон квартир на десятом этаже. Данил дома. Вздохнула, понимая, что опять погналась за призраками прошлого. Нужно было давно уже смириться и отпустить. Освободить себя. Позволить себе пережить и забыть.

Наверное, именно поэтому приехала сейчас сюда. Чтобы окончательно распрощаться с воспоминаниями. А ведь все начиналось так хорошо. Закинув Лену, довольно быстро добралась до дома – пока приготовила ужин, поужинала и закончила домашние дела, на город опустилась ночь. Лежала на своем старом, родном и любимом диване, силясь заснуть, но, как назло, сна ни в одном глазу. Промаялась около часа.

Тогда поднялась, накинула одежду и отсчитала из кошелька немного купюр. Ссыпала мелочь в карман и поехала в никуда. Ехать ради дороги. Ради того, чтобы найти один единственно верный путь.

Хотелось верить, что я больше никогда сюда не вернусь. В окне замаячила тень... а затем еще одна. На губах расплылась горькая улыбка – он смог начать другую жизнь, так почему не смогу я? Глупо убиваться. Ведь сама сделала свой выбор.

Я не помнила, как вернулась домой и завалилась спать, мгновенно провалившись в спасительное беспамятство. Зато утром, поднявшись без будильника, поняла, что не зря, совсем не зря совершила ночную поездку. Как будто стало проще дышать. Ведь этот год я старательно объезжала наш бывший дом. Неужели отпустила? Сжигать мосты нелегко, но жизнь идет своим чередом.

Умылась холодной водой, улыбнулась себе в зеркале – и даже синяк на лбу, казалось, не выглядел столь ужасно. Обработав его мазью, сладко потянулась. Так–так–так, завтракать, собираться и вперед – соскучилась я по Мишке. А ведь еще сегодня Света, знакомая, с чьими лошадьми я занималась столько времени, обещала вручить мне свой подарок – долгожданную фотосессию.

С предвкушением потеряла лапки. Итак, кого бы мне изображать? Принцессу? Амазонку? Эльфийскую лучницу? Нет, все не то. Недовольно сжав губы, перебирала вещи в шкафу.

– Нашла, – довольно расцвела я, доставая легкий, воздушный кремово–белый сарафан. Длина – в пол, удобно будет сесть верхом, подол красиво ляжет на спину Мишке. Хочется создать нежный образ.

Перед выездом набрала Свете, узнала, в силе ли договоренности. Бодрый голос знакомой заверил, что я могу приезжать, собирать коня, а сама Светка скоро подъедет.

Летела на конюшню, как на крыльях. Привычно поздоровалась с охраной на въезде – шлагбаум поднялся, пропуская в мой мир. На самом деле, если бы не ряд случайностей, я никогда бы не смогла себе позволить заниматься в «Легионе». Комплекс был выстроен одним состоятельным бизнесменом ради любимой жены. А уж потом стало ясно, что правильно раскрученный конный клуб может приносить деньги. На базе «Легиона» стали проводиться соревнования областного, всероссийского и даже международного уровня. Условия, как для лошадей, так и для людей – действительно шикарные. Но за удобство нужно платить. Я даже боялась вспоминать, сколько стоит одна тренировка в этом фешенебельном месте.

А мне просто повезло. В школе я познакомилась с девочкой, мама которой держала лошадь в «Легионе». Пару раз напросилась на поездки, а уже здесь встретила Свету – она согласилась обучать меня за помощь с ее спортивными четвероногими напарниками.

Мишка встретил меня довольным гугуканием.

– Ах ты ж моя сладость, – привычно приласкала буланого и угостила кусочком морковки. Золотистая морда доверчиво ткнулась в руку, шевеля бархатными губами и выпрашивая добавки.

– Нет, хитрюга. Сначала работа, потом угощухи.

На самом деле Мишка Мишкой–то и не был. Полная кличка чистокровного ахалтекинского жеребца – Михмалли–Гели – звучала жутко пафосно. Потому золотистый, сверкающий на солнце, тонконогий и изящный, словно фарфоровая статуэтка, восточный жеребец с оленьей шеей, аккуратной чуть горбоносой головой и ореховыми глазами, Михмалли, превратился в обычного русского парня Мишку.

Ахалтекинцев в спорте не очень любили из–за свободолюбивого нрава и горячий натуры. С ними нужно было договариваться. Заставить их что–то сделать было невозможно. Только сотрудничество. Они требовали считаться с их мнением. Но Мишка стал первой лошадью Светы, и любила она его искренне, потому как солнечный текинец был мечтой. Мечтой, ставшей явью. Хотя звезд она с ним не хватала, но на любительском уровне ехала вполне прилично. А характер у жеребца был несмотря на все суеверия и предрассудки золотой.

Почистила отливающую металлическим блеском шкурку Мишки, разобрала пальцами черные, как смоль, редкую гриву и хвост. Как раз подъехала Света.

– Кирюш, ну привет! Смотрю, вы уже готовы. Выбрала, в

чем будешь?

– Ага, в раздевалке лежит, – лыбясь, ответила я.

– Беги, переодевайся. Мы тебя ждем. Оксана, фотограф, уже здесь.

Сменить наряд сумела очень быстро. Учитывая, что для законченного образа предполагалась не надевать на Мишу седло, пришлось под сарафан нацепить шорты. Покрутилась перед зеркалом – красота! Длинный сарафан красиво ниспадает практически до пола. Распущенные темно-русые волосы укрывают нежнейшим плащом. Макияж сделала еще дома – только скрыла синяк и подкрасила ресницы. Естественность – девиз сегодняшнего дня!

Обув белые балетки, полетела обратно в конюшню. Выводили мы гордого Мишу вместе. Пока проходили через территорию, заметила, как из здания администрации вышли несколько представительных мужчин. Одного узнала сразу – владелец клуба. А вот двое остались неузнанными. Первый – низенький, с покрытыми сединой волосами, но держащийся так уверенно, что и язык не повернется назвать его старым. Второй – молодой, высокий, внушительный, с довольно длинными русыми волосами, зачесанными к затылку.

И именно в тот момент, когда мы приблизились к мужчинам на расстоянии пары шагов, Мишка решил огласить округу громким ржанием и затанцевать на месте. Все внимание сразу же обратилось на нас.

– Мишка! – строго одернула жеребца Света.

– Чшшш, – привычно протянула я, укорачивая длинную корду, за которую вела ахалтекинца.

– А это наша золотая гордость, – расплылся в улыбке Левин, хозяин комплекса. – Девушки, позвольте гостям полюбоваться на живой слиток золота.

И правда – в солнечных лучах шкурка Мишки переливалась, играла бликами не хуже драгоценного металла. Особенность ахалтекинцев – многие из них имели такой металлический блеск.

– Очень красивый жеребец, – серьезно произнес высокий мужчина, – можно погладить? – и обошел Мишку, чтобы огладить его по морде.

– Аккуратно, может укусить, – привычно предупредила я.

– Не стоит за меня волноваться, – зеленовато-голубые глаза незнакомца смеялись.

Он не был красивым в привычном понимании этого слова – скорее, симпатичный, мужественный, с внушительным разворотом плеч. Но глаза со смешинками подкупали.

– Я просто предупредила, – повела плечом и убрала упавший на глаза локон. Когда вновь посмотрела на мужчину, то заметила, что он не сводит с меня взгляда.

– Красивый, только вредный, – Света, как обычно, не стала расхваливать Мишку. – Владимир Семенович, мы пойдем. У нас с Кирой фотосессия намечается.

– Конечно–конечно, – кивнул Левин. – Господа, давайте продолжим нашу экскурсию.

Покинув общество мужчин в строгих костюмах, вдруг поняла, что раз сам хозяин перед ними расшаркивается, то спутники – не самые последние люди. Впрочем, все мысли вылетели из головы, когда подошла фотограф и устроила для нас с Михмалли настоящую пытку.

Ковер зеленой, с ярко–желтыми пятнами одуванчиков, травы манил ощутить кожей мягкость. Голубое небо с редкими белесыми облачками и слепящим солнцем кружило голову. Намаявшись исполнять указания Оксаны с земли, благодаря подбросившей меня за коленку Свете села верхом, подобрав повод.

Мишка привычно подобрался, изогнул оленью шею и потянулся к моей ноге.

– Вот! Отлично! Коснись гривы! Да–да, так! А сможешь волосы перекинуть на одно плечо?

И пусть от советов фотографа кипела голова, но магия прекрасного коня и бескрайних полей захватила с первых мгновений.

– А на свечку поднять сможешь? – вдруг с загоревшимися глазами спросила Оксана.

– Можно попробовать, – неуверенно посмотрела на Свету, но та кивнула:

– Давай, он умеет. Ты же знаешь.

– Ну ладно, – выдохнула я.

Послушный воле всадника Мишка золотым росчерком пронзил голубые небеса. Черная грива и мои волосы син-

хронно взметнулись вверх, и ветер тут же подхватил их.

– Охренеть! – услышала восторженный возглас Светки.

Мягко опустившийся на четыре ноги Михмалли тут же повернул ко мне голову, хитро кося ореховым глазом – мол, хвали! заслужил!

– Не боитесь?

И как давно они здесь стоят? Троица мужчин с легкими улыбками на губах наблюдала за бесплатным спектаклем.

– Нисколечки, – честно призналась я, раскидывая руки в стороны и подставляя лицо лучам солнца.

– Теперь в движении? – Оксана оторвалась от своей техники и вопросительно переводила взгляд с меня на Свету.

– Давай. Я его разомну только немножко, – согласилась я.

Через некоторое время Мишка со мной на спине беззвучно летел по краю горизонта, едва касаясь копытами брэнной земли. Что еще нужно для счастья? Только лишь стремительный полет и щемящее сердце чувство истинного, искреннего восторга. Ведь мы разучились радоваться простым вещам. Не видим их за сутолокой будней, бесконечных проблем. А всего–то нужно позволить себе вкусить жизнь сполна и испытать будоражающего кровь напитка свободы!

Успокаивала разгоряченного Мишку долго. Но после фырчащий жеребец то и дело норовил вырвать пучок травы и забрызгать белый сарафан зелеными слюнями. Я смеялась и отпихивала голову коня. Игра для двоих и ни для кого больше. И именно в этот момент я была счастлива.

– Вы шикарно смотрите вместе, Кира, – подошел со спины мужчина.

– Вы нам льстите, – усмехнулась я.

– Да нет, я чрезвычайно серьезен.

Мишка в очередной раз совершил попытку обмуслякать ткань, но я беспардонно отпихнула его подальше и от меня, и от шедшего рядом мужчины. Почему–то на душе было спокойно. Впрочем, это совсем не странно. На конюшне я всегда была сама собой, без глупой скромности и смущения. Моя зона комфорта, и этим все сказано.

– Не бойтесь, что заляпаете костюм? – прищурила один глаз я.

– Нисколечки, – передразнил меня незнакомец. – Ваш жеребец же понимает, что я мужчина, и на меня эти его знаки внимания не действуют.

– Это не знаки внимания, – хихикнула я.

– Это вы так думаете. Мне–то лучше знать.

– Ну если та–а–а–ак, – протянула я и, сорвав одуванчик, предложила жеребцу. Тот не преминул жадно вырвать его из рук.

– Какое кошунство! Кира, вам не жалко бедные цветы? – он вовсю флиртовал. А как иначе можно объяснить, что сейчас этот молодой человек в строгом костюме за бешеные бабки и в дорогих туфлях топает со мной по полю?

– Нет, меня гораздо больше волнует, что Мишка считает их вкусными.

– Мишка, – хохотнул мужчина и, сняв пиджак, перекинул его за спину. – Неужели это его настоящее имя?

– Как вы могли о таком подумать? Истинное имя золотого сокровища Михмалли–Гели. А как же вас величают, уважаемый? – близость лошади вселяла уверенность, да и, признаться, мне нравился наш слегка сумбурный разговор.

– Максим, – весело отозвался собеседник.

– А дальше? – подозрительно прищурилась я.

– Сначала вы, – тут же выкрутился Максим.

– Я так не согласна, – усмехнулась.

Пора бы уже возвращаться домой. Дел – вагон и маленькая тележка.

– Как хотите, – пожал плечами Максим. – Кира, позволишь пригласить тебя сегодня на ужин?

– А когда мы перешли на «ты»?

– Только что, – нагло заявил мужчина.

Я придирчиво оглядела статную фигуру в кофейного цвета рубашке и светлых молочно–бежевых брюках. Наверное, со стороны мы отлично гармонировали. Почему–то сравнила Максима с Воронцовым. Казалось, что между двумя столь непохожими друг на друга молодыми людьми была какая–то общая черта. Вот только какая? Она неуловимо ускользала, и я даже закусила нижнюю губу, пытаюсь поймать мысль за хвост. Но, увы, единственное, что пока могла сказать – они оба ходили в деловых костюмах. Не густо.

– Я не могу принять ваше, – сделала акцент на обраще-

нии, – предложение.

Максим недовольно поджал губы, сверкнув зеленоватыми глазами. Цвет напомнил мне турмалин в маминых сережках. И правда, практически точь-в-точь. Однако, тень неудовольствия, омрачавшая загорелое лицо мужчины, исчезла быстро, сменившись предвкушающей улыбкой.

Ой дура–а–а. Какая же я дура. Сама же сделала себе хуже – ну что мне стоило сказать «я подумаю»? Как же сразу не догадалась, что Максим – из того типа мужчин, что обожают охоту. Весь смак в процессе. И как бы ты ни убегала, хищник всегда настигнет. Не остановится. Просто потому, что погоня доставляет удовольствие. Много мне рассказывала Настасья о таком типаже. Но никогда не думала, что сама наткнусь на мужчину с подобными «наклонностями».

– Увы, Кира, я не приму отказ.

– Так зачем спрашивали? – тут же задала вопрос, стараясь не смотреть на Максима. С деланным усердием изучала элегантную голову Мишки с по-человечески выразительными глазами и темными ресницами. Даже остановилась на секунду, чтобы чмокнуть бархатный нос меж ноздрей и почесать завитки шерсти на лбу.

– Ты бессердечная девушка. Я чувствую себя лишним – так нежиться с лошадью, когда мужчина приглашает провести вечер в его компании!

Фраза, брошенная с усмешкой, заставила резко оглянуться на Максима. Нет, ну каков наглец?

– Я вас не держу, – четко выговаривая каждое слово, резко огрызнулась я.

Терпеть не могла, когда мне говорили что-то подобное. Нет уж, мне Данила хватило. Больше я не собираюсь жертвовать тем, что мне дорого, в угоду кому-либо.

Потянув за собой ахалтекинца, стремительно зашагала к конюшне. Опять. Я опять сделала эту ошибку! Нет, а как прикажете мне себя вести? Поощрять? Соглашаться?

– Кира, стой!

– Извините, Максим, у меня очень много дел, – отмахнулась я и припустила со всех ног. Мишка порысил рядом, игриво вытягивая шею.

Мне повезло – мы вышли как раз к заасфальтированной парковке, и от преследователя спас заезжающий на территорию пикап с коневозом. Вот и ладушки! Вряд ли Максим найдет из трех огромных конюшен ту, в которой я исчезла.

Света встретила меня у денника Михмалли, скрестив руки на груди и гаденько улыбаясь.

– Ну как поговорили?

– Никак, – недовольно выдохнула я. – Предательница!

– Ой да брось, Кирюш. Ты чего такая неприступная? Смотри, неплохой вариант. Я сразу заметила, что он заинтересовался!

– Никакой он не вариант. Я побегу, Свет. Ты завтра будешь? – угостила Михмалли обещанной морковкой.

– Не, я с мужем уезжаю. Слушай, раз ты приедешь, то по-

занимайся нормально с Мишкой? А то берейтор его назавтра отпросилась.

– Без проблем. Давай, пока!

– Удачи. И подумай над тем, что я тебе сказала!

Я закатила глаза и посеменила в сторону раздевалки. Никогда так не спешила и не собиралась, как будто на пожар. Вряд ли бы успела за время, пока горит спичка, но и то хлеб. Только уже покинув здание, подумала: а чего, собственно, я переполошилась? Ведь обещала Лене вести себя, как адекватная девушка. А сама чего?

– Дурочка ты, Ржевская, – хохотнула я, усаживаясь в японку. И какой еще охотник? Не увидите вы больше. А то забила голову дурыю. Как малолетка, серьезно. Выехала с территории клуба, на автомате взглянув в зеркало заднего вида – следом за мной чуть на отдалении держался сапфирово–синий паркетник «Инфинити». Но ничего странного в этом я не видела – клуб элитный, люди ездят обеспеченные, а раз суббота, то и поток посетителей большой.

«Легион» располагался в ближайшем пригороде, и к нему вела отличная ровная дорога, чему я раньше удивлялась. Зато теперь, мурча и подпевая мелодиям из динамиков, поднажала на педальку – коротко рывкнув, белая ласточка ускорила.

Переживать я начала в тот момент, когда поняла, что несмотря на огромное количество развилок и поворотов, ведущих к городу, «финик» все также не отставал и сохранял

небольшую дистанцию. Если разгонялась я – то он догонял, если замедлялась – он притормаживал.

Заметив эту фишку, мне надо было вернуться домой, но я–то ведь ехала на дачу к родителям! Отказываться от своих намерений не собиралась. Недалеко тут – километров двадцать, не больше. И машин, как назло, нет. С широкого шоссе я уже давно свернула на узенькую дорожку, где едва разъедутся встречные автомобили. Улепетывать от паркетника – поздно. Дорога извилистая, а вдруг с управлением не справлюсь? Вот и напряглась, постоянно поглядывая в зеркало, как будто проверяя: уехал или нет? Нет.

Сглотнула вязкий ком в горле. И ведь никому не сказала, что уехала за город. Даже родителям. Хотела сюрприз сделать. На свой страх добавила газу, надвинув на нос кепку.

Преследователь среагировал практически сразу: сапфировый паркетник моргнул дальним светом и показал правый поворотник.

– Ага, щас, – хмыкнула я. Я пока еще в своем уме, чтобы не прижиматься к обочине по требованиям неизвестного подозрительного субъекта. Пришлось поменять свое мнение, когда автомобиль практически прижался к заднему бамперу. И водителя не видно! Стекла тонированные в хлам.

Рванула вперед, чувствуя, как по позвоночнику поползли мурашки. Не нравилось мне происходящее. Ой, как не нравилось.

– Черт! – выругалась, заметив огромную выбоину на до-

роге. Пришлось резко повернуть руль, правыми колесами заезжая на обочину. «Инфинити» стремительно обошел меня слева и прижал, окончательно сталкивая на гравий.

Сдаваться я не собиралась. Врубила заднюю и японка, рванувшись, зарылась в землю, обдав приземистый паркетник градом камней и песка из-под передних колес. Мой план был прост – либо, если получится, развернуться, и полететь в обратном направлении, либо повторить маневр «Инфинити» и опередить автомобиль слева.

«Селику» было жалко – низкое купе никак не предназначалось для таких лихачеств по обочинам. Но если быть честной, даже, услышь я треск бамперов, не остановилась бы. Жизнь важнее. Однако все вышло совсем не так, как я ожидала.

Да, я умудрилась отъехать назад. Но попытка опередить синий паркетник провалилась. Тот не пускал, и моя ласточка прижалась к нему практически вплотную. Резко затормозила, чтобы на повороте уйти в сторону, но реакция водителя Инфинити была гораздо быстрее. Он успел замедлиться, и теперь мы ехали бок о бок.

– Ты что делаешь? – гневно завопила я, когда паркетник снова стал прижимать меня к обочине. Нервы ни к черту – я потеряла контроль над своими действиями и не успевала реагировать. Как результат – меня снова прижали к обочине. Окончательно испугавшись, вздрогнула и случайно бросила сцепление – японка заглохла.

Заметила, как открылась дверь автомобиля, и ко мне стремительно подошел... Максим?

Истерично хохотнула, чувствуя, как отлегло от сердца. Резко откинулась на сидение, приложившись затылком о подголовник.

– Кира! Сильно испугалась? – его голос был полон сожаления.

Снова хихикнула, разглядывая взволнованного мужчину. Начинаясь истерика отступила, и теперь, обретя контроль над собственным телом и разумом, подняла дверь Тойоты, стремительно вылетая из нее.

– Вы в своем уме? – взбеленилась я, подходя к Максиму вплотную. Задрала подбородок, чтобы придать себе уверенности, сжала кулаки и уставилась снизу вверх в наглые глаза русоволосого. – Вы отдаете отчет своим действиям? Вы ненормальный!

– Прости, Кира. Я не хотел тебя напугать. Откуда я знал, что ты начнешь улепетывать на своей ракете?

Гневно раздула ноздри.

– А что мне нужно было делать, а? Молча прижаться к обочине и ждать, пока меня будут грабить, насиловать, убивать?

Максим смутился. Похоже, он действительно не подумал, как могут выглядеть его действия.

– Кирочка, пожалуйста, – выдохнул мужчина, сжав пальцами переносицу и зажмурившись. – Я полный идиот! Ты

так быстро исчезла. Когда увидел, как садишься в машину, не придумал ничего лучше, кроме как поехать следом. Хотел посмотреть, где живешь, но ты так и не свернула в город. А дальше дачные поселки, многие из них с охраной. Побоялся, что потеряю тебя из вида. Вот и пришлось прижать к обочине. Видел же, что водишь хорошо, а, значит, ничего не случится.

Сжала зубы, потирая виски. Обреченно вздохнула.

– Ладно. Но впредь думайте, чем могут обернуться ваши действия. Скажите спасибо, что машина у меня хорошая, и я ее прекрасно чувствую. Иначе вы были бы довольны, если бы я размоталась о какое-нибудь дерево?

– Что за чушь? – процедил сквозь зубы Максим, зло взглянув на меня. От выражения его лица вся моя храбрость куда-то испарилась. Заметив, что я сдулась, он уже спокойно продолжил. – Я приношу искренние извинения. Но я действительно действовал на инстинктах! Прости, а?

Отвернувшись от Максима, стянула кепку, позволяя волосам рассыпаться по плечам и спине. Совсем мужским жестом, доставшимся от отца, потерла затылок. На инстинктах, говоришь? Как хищник? Если убегает, значит, нужно догонять?

– Забыли, – обреченно признала я, снова повернувшись лицом к мужчине. – Что вы хотели? Мне не нравится стоять на пустынной дороге с незнакомым человеком. И я еду к родителям, они уже давно меня ждут.

– Твой номер телефона и переход на «ты». Пока это все. Раз ты так враждебно ко мне настроена, то придется поумерить свой пыл.

– Что-то многовато, – нахмурилась, сведя брови к переносице.

Но раз утвердилась в мысли, что Максим охотник, то лучшим выходом будет пойти ему навстречу. Может, добившись своего и признав очередную победу, он отстанет? Хотя... задумалась. А почему бы не воспользоваться ситуацией? Чего я и правда, как ханжа?

– И все-таки? – хитро улыбнулся Максим.

– Записывайте... записывай, – выдавила из себя.

Мужчина довольно извлек из кармана брюк дорогой смартфон с эмблемой откушенного яблока, на что я страдальчески закатила глаза.

– Что-то не так?

Покачала головой. Статус, чтоб его! Продиктовала номер. Максим вдруг нагнулся ко мне и, опаяя горячим дыханием шеи, чуть ли не мурлыча, прошептал:

– Спасибо, красавица.

Почувствовала себя мышью перед удавом. Сожрет и не подавится. Застыла, не шевелясь, словно очарованная.

Пользуясь моментом, мужчина нагло отодвинул завесу волос и, нарочито медленно приблизившись, оставил на обнаженной шее легкий, мимолетный поцелуй. Меня, как током прошибло. Дернулась, замахиваясь рукой, но Максим уве-

ренно перехватил ладонь своей, осторожно сжал.

– Лучше не надо. Пожалеешь, – потемневший взгляд охотника, наслаждающегося игрой с добычей. Чем больше сопротивления – тем веселее хищнику.

Прищурилась и постаралась выдернуть ладонь из цепких пальцев – не отпустил. Только рассмеялся довольно так, чуть ли не мурча, как сытый кот.

– Я позвоню, – и только тогда отпустил руку и, не оборачиваясь, с хищной грацией вернулся в паркетник. Моргнул «аварийкой», развернул «Инфинити» и с визгом шин умчался в сторону города.

– Попала ты, Кирочка, – только и выдала я, понимая, что, черт побери, мне понравилось. Хотя такое откровенное хамство нравиться не должно. Кривила душой – всегда обожала, когда Данил вел себя властно, поступая так, как ему хочется, не слушая моих слабых отговорок и лишая возможности сопротивляться.

Села в японку, уперлась лбом в руль. Спокойствие, только спокойствие. Понадобилось несколько минут, чтобы выровнять дыхание и отойти от пережитого. Пожалеею я, что дала телефон, ой, как пожалеею. Минутное помешательство еще аукнется мне. Как бы и совсем хреново не было – женская интуиция это не хухры–мухры.

Глава четвертая

Первым знакомое урчание двигателя услышал Трон. Бе-

лоснежный швейцарский «овчар» заливался лаем, ломясь в хлипкую сетчатую калитку. Овчар был подарком отца на мамин юбилей – мама всегда о таком мечтала.

– Троша–Трошенька, – довольно приговаривала я. Закрyla машину и отворила дверь, едва успевая отпрыгнуть от вставшего на задние лапы пса. – Не прыгай!

Присела на корточки, поглаживая Трона по умной морде.

– Давно не виделись, да, целых несколько дней. Где там твоя хозяйка? Ма–ам?

На деревянное крыльцо небольшого, старенького, но добротного домика вышла мама.

– Кира! А мы тебя и не ждали, – развела она руками. – Папашка твой с мужиками еще с утра на рыбалку ушел.

– Да ничего, – улыбнулась я, поднимаясь к матери. Трон путался под ногами, норовя потереться о меня белой шерстью.

Небольшой дачный домик с прилегающими к нему пятью сотками принадлежал еще бабушке с дедом. Они вложили в него всю свою любовь, и мама продолжала лелеять их наследие. Участок всегда был ухожен, никогда не запущался, а «избушка», как любил выражаться папа, постоянно подновлялась.

– Рассказывай, как работа? – мать разлила чай с листиками мяты по кружкам.

– Мне нравится, – честно призналась. – Непривычно, начальник строгий, но о большем я мечтать и не могла. Ворон-

цов, мой шеф, – очень талантливый юрист. Под его руководством я получу гораздо больше полезных навыков, чем если буду сидеть помощником в обычном отделе.

– Смотри сама, Кирюш, – сморщила аккуратный носик мама. – Зарплата–то хорошая?

– Достойная, – с готовностью отозвалась я, ожидая этот вопрос.

– Вот и хорошо. Не всё же лошадям хвосты крутить.

– Ну, мам!

Мое увлечение родители поощряли, хотя иногда и любили подшучивать. Но я–то понимала, что они всегда меня поддержат. Они молча приняли меня обратно домой, когда я заявила с вещами. Пытались расспрашивать, но я молчала не хуже партизана. Поэтому отступили, хотя и испытывали симпатию к Данилу.

– Что хочешь на день рождения?

Я сделала глоток обжигающего чая.

– Ничего. Я тебе уже говорила.

– Так нельзя! – возмутилась она, упирая тоненькие изящные руки в талию. – Ты моя дочь. Единственная, между прочим.

– Я и так живу с вами и обременяю...

– Так, Кира Георгиевна, сейчас же прекрати нести чушь. Чтобы я таких слов больше от тебя не слышала! Обременяет она нас. Уж не думала, что мы с отцом такую дурынду вырастили.

Вздыхнула. И так всегда. Оно и понятно: никогда родители не признают, что я их стесняю. А ведь в нашей двушке тесновато для трех взрослых и не менее взрослого и огромного белого пса.

– Все нормально, Кирочка. Мы ведь все с папой понимаем. И в школе я не просто так кружок взяла – может и поднакопим чего. Выкрутимся.

В этом вся моя мама.

Отец вернулся вечером с садком, полным окуней да красноперок. Зычно заулюлюкал, увидев меня. Ну правда, как будто год не виделась! Миниатюрная мама рядом с высоким и чуть грузным папой смотрелась, как нежный цветок, прижавшийся к огромному дереву.

Родители упростили меня остаться на ужин – не смогла отказать, и поэтому возвращалась в город уже затемно. Особенностью дачного поселка Леменево и дороги, ведущей от него к городу, было практически полное отсутствие сотовой связи – «ловил» всего один сотовый оператор.

Поэтому когда я оказалась на связи, телефон чуть не задохнулся от пришедших и пришедших сообщений. Было даже несколько пропущенных вызовов – один от Лены, два от Настасьи и еще два от незнакомых номеров. Причем, разных. Первый – часов в пять вечера, а второй – всего десять минут назад.

– И какой же из них твой, Максим? – задумчиво протянула я.

А может вообще не отвечать на телефон от незнакомых абонентов? Вряд ли будет что-то срочное. А если и будет, то от людей, которых я знаю.

Перезвонив Насте, узнала, что она уже вернулась в квартиру – Славик позвал ее в воскресенье вечером в ресторан. А на подготовку подруга тратила баснословное количество времени. Коротко похихикивая над вчерашним нашим состоянием, договорились утром встретиться.

После набрала Лене. Та ошарашила.

– Значит так, Ржевская. Я всю ночь думала – нельзя тебе спуска давать. А потому будем менять твою жизнь.

– И что же конкретно тебе не нравится?

– Да все, – бескомпромиссно заявила подруга. – Я взяла твое личное дело. У тебя во вторник день рождения, а ты молчишь!

– Не такое большое событие, – отмахнулась я.

– Кира, – я как будто даже видела, что Лена закатила глаза. – Не хочу с тобой сегодня спорить. Но! Я решила сделать тебе подарок.

– Только не это, – мрачно просипела я.

– Это-это! Так что слушай сюда. Завтра с самого утра идем в салон. Будем делать из тебя другого человека. Чтобы ты думать больше не смела о своей, – Лена смешно изменила голос, – психологической травме.

– Отказ не примешь? – понимая, что грозит, попробовала отнекаться я.

– Нет, – что-то мне это напоминает. Второй раз за один тот же день – перебор. – Кстати, Кира. Тебе какой цвет больше нравится?

– Э-э-э? – замычала я, не понимая, к чему клонит Лена.

– Так мне стилисту какую краску для волос заказывать? Платиновый блонд или пшеничный?

Кажется, я потеряла дар речи.

– Леночка, с тобой все хорошо? – наконец, отмерла я.

– Со мной – да. А с тобой – нет. Так какой?

– Никакой, – покачала головой. – Я не буду красить волосы! Во-первых, это дико дорого – ты в курсе, что они у меня до копчика?! Во-вторых, я столько лет их отращивала, чтобы испортить? И, в-третьих, я не хочу постоянно подкрашивать корни!

– И это все доводы? – скучающим голосом спросила Лена, даже зевнула в трубку.

– А этого мало? – чуть ли не зашипела я.

– Конечно, мало! Смотри – про твое гипотетическое дорого. Это же подарок, помнишь? Об этом даже не думай. Сочтемся. Длина – хорошая, ага, но зато представь, как шикарно будут выглядеть твои волосы, переливающиеся на солнце золотыми и серебряными прядками? И краски сейчас без аммиака есть, щадящие! Не ной, не выпадут. Корни... ну тут, милочка, красота требует жертв.

– Нет, – все так же стояла на своем.

– А давай спросим твою Настю? Что она ответит?

Я и так знала, что Настасья встанет на сторону Елены. Она давно меня пихала – но только не красить, а обстричь их. Но и кардинальное изменение цвета поддержит – уверена.

– Не будем мы спрашивать Настасью.

– Вот и перестань упираться рогами, как баран. Хуже не будет. Не понравится – снова покрасишь, вернешь естественный цвет.

– А не выпадут ли они от постоянных покрасок?

– Пф, – усмехнулась Лена. – Волосы – не зубы, вырастут. Так уж и быть, на парик я тебе денег подкину.

– Юмористка. Тебе бы в «Камеди Клуб» выступать, или как там его.

– Отлично! Я знала, что ты согласишься.

– Стой! Я не соглашалась.

– Нет, согласилась.

– Пошла ты к черту, Леденникова, – устала бороться я. – Какой мне больше подойдет?

– Умная девочка. У тебя глаза какие?

– Серо–буро–малиновые в крапинку, – огрызнулась.

– В Камеди вместе пойдем!

– Дура, – уже беззлобно продолжила подначивать я. – Да фиг знает. Вроде как серые. Но и голубые, и зеленые бывают. Когда как. Но основной цвет серый.

– Тогда платиновый. Ну все, Кирюш, я побежала. Завтра сможешь заехать за мной часикам хм... к десяти? И Настюшку свою возьми! Веселее будет.

И подруга отключилась. Похоже у кого-то батарейки Энерджайзер в пятой точке. Или Дюрасел? Хотя, один фиг. Нужно было предупредить Настю, что к нашей компании добавилась еще одна неугомонная девица.

Ионова внимательно меня выслушала и... полностью встала на сторону Лены.

– Конечно, тебе надо соглашаться! Такой шанс! Терять тебе нечего, – Наста была уверена в своих словах, и по ее голосу это чувствовалось. – Я уже жажду познакомиться с этой Леной. Она заранее мне нравится.

– Я этого и боялась.

– Так, во сколько, говоришь, ты заедешь?

– К девяти. Блин, я с этими поездками совсем на мели останусь, – тяжело вздохнула я.

– Засада, – согласилась Настя. – А когда зарплата?

Я расхохоталась.

– Не спрашивай.

– Ясно. Хм. Я знаю, что у меня ты денег не возьмешь.

– Не возьму, – упрямо заявила.

– Тогда я вручу тебе подарок раньше времени. И немного не в том виде, в каком хотела.

– Это в каком же?

– В наличном!

– Сбрендила. Я не возьму.

– Возьмешь, как миленькая. Или ты меня обидеть хочешь?

Мне кажется, или все сегодня мной манипулируют?

– Настенька, солнце. Пойми, – как с ребенком, начала разговаривать я. – Мне очень стыдно и неудобно.

– Неудобно спать на потолке – одеяло сваливается, – отрезала подруга. – Всё, я спать. Устала, как собака. Жду тебя. До завтра.

– Они издеваются, – подвела итог сегодняшнего дня я.

Ровно в девять я сидела в автомобиле, ожидая, пока соизволит спуститься Настасья. Подруга не торопилась – был у нее маленький грешок, но идеальных людей не существует. Во всем остальном Анастасия Ионова меня полностью устраивала. Девушка лучезарно улыбнулась, заметив мою хмурую физиономию.

– Ты чего такая?

– Садись, Лену заберем и расскажу.

Благо хоть Елена оказалась пунктуальна – она ждала нас на красивой деревянной скамье, полностью погруженная в телефон.

– Ленка, – окрикнула подругу я.

Девушка подняла на нас глаза, зажмурилась от яркого солнышка, ослепившего ее.

– А можно я поеду на заднем сидении?

Ну все, сердце Насти оказалось растоплено, и Ионова теперь всю жизнь будет очарована Леночкой. Потому что ездила Настя только спереди и терпеть не могла, когда ее от-

правляли назад. Пока мы усаживались в автомобиль, представила девчонок. Обе смерили друг друга внимательными, оценивающими взглядами и расхохотались. Контакт найден. Проблем не будет. Луноход-1 успешно состыковался с Луноходом-2.

– Куда ехать? – спросила я, выруливая со двора.

– Салон на Чкалова знаешь?

– Не-а, – покачала головой.

– Там еще магазин раньше рядом был, книжный. Вспомнила?

– Теперь да, – согласилась я, перестраиваясь в правый ряд на поворот.

– Так что ты там хотела рассказать? – не выдержала Настасья.

– Короче... вчера я была у Мишки.

– Мишки? – тут же перебила Лена.

– А, расслабься. Это лошадь так зовут, – расстроила шатенку светловолосая.

– Так вот. Света подарила мне фотосессию с Мишкой. Пока шли на поле, то встретили директора комплекса с двумя мужчинами. Один – постарше, а второй молодой.

– И-и-и? – тут же правильно распознали суть разговора обе девушки.

– Что и-и-и? Флиртовал он со мной. Я сбежала.

– Ну и дура, – опять синхронно фыркнули подруги.

– Ага, если бы. Он меня приглашал, я ему отказала. Так

знаете, что он сделал?

И я рассказала им все события вчерашнего дня. Не забыла упомянуть, как Максим чуть не угробил меня на пустынной дороге и как потом поцеловал. Девчонки слушали, затаив дыхание, как будто я рассказывала сказку, а не реально произошедшие события. Услышав про то, что не брала трубку, когда в час ночи опять раздался звонок с неизвестного номера, принялись меня отчитывать. По началу. Но потом я напомнила про Данила.

– Чем–то напоминает, да, – согласилась Настя. – Конечно, чести ему поступок на дороге не делает. Но а вдруг ты правда ему понравилась?

– Этот не отступит, – подтвердила Лена. – Пока своего не добьется, прохода не даст. Красивый хоть?

– Ну как сказать, – задумалась я. – Не мечта для глянцевої обложки. Мужественный, чуть грубоватый. Харизматичный я бы сказала.

– А зовут–то как?

– Максим.

– Просто Максим? – не поверила Лена.

– Ага. Не сказал полное имя. И даже свой номер не дал. Мне вот вечером два незнакомых звонили – и даже не знаю, какой его.

– Точно! – воскликнула Ленка. – Один запиши, который на три семерки заканчивается. Это Воронцов.

Открыла рот и поймала довольную ухмылку подруги в

зеркале заднего вида. Значит, он звонил мне. Вопрос: зачем?

– А что ему нужно было?

– Ну ты как дитя малое, чесслово, – понесло Лену. – Номер начальника в записной книжке – вещь из разряда «маст хэв». А Кирилл звонил, чтобы его номер у тебя определился. Только ты вне зоны была. Он мне набрал, спрашивал, куда ты делась. Заметил уже, что мы снюхались.

– А ты чего?

– Ничего. Сказала, что ты в запое. С горя.

– ЧТО ТЫ СКАЗАЛА?! – зарычала я, резко нажимая на тормоза. Благо хоть машины за нами не ехали, потому что японка застыла на месте так, будто никуда и не ехала.

– Эй, Кирюш, ты чего? Это шутка! – переполошилась Лена.

– Ты так не шути, она девушка нервная, – отчитала Настасья.

– Да ничего криминального, правда. Сказала, что не знаю. Выходные, как–никак, а ты птица вольная, отчитываться ни передо мной, ни перед ним, тем более, не обязана.

– А он?

– Недовольно пробубнил что–то там про то, что его ассистент всегда должен быть на связи в любое время дня и ночи, и отключился.

– Трындец, – хохотнула Настя.

– Да расслабьтесь. Ничего страшного. Вот он завтра нашу Кирочку увидит и...

– Помрет от счастья, – перебила Лену светловолосая.

– Помирать не надо. Он мой дядя, хоть и двоюродный. Живой нужен. Пускай просто удивится. Этого вполне хватит.

– Ага, – мрачно заявила я. – Наверное, Воронцов всегда мечтал иметь в секретаршах блондинку.

– Бредни это все, – отмахнулась Настя. – Тебе же краску не в мозг закачивать будут. Ничего с твоим умом не случится. И тебе проще будет – с блондинок спрос меньше.

– Подтверждаю, – хихикнула Лена.

Все–таки зря я их познакомила.

Несколько часов как будто выпали из моей жизни. Я старалась не думать ни о чем серьезном, не переживать, расслабиться и довериться умелым рукам стилиста. Девушка оказалась хорошей знакомой Елены, потому, как заверяли меня подруги, волноваться не о чем. Легко им говорить! Это не они сейчас будут кардинально менять внешность. Никогда не могла представить себя блондинкой. И оттого было страшно, хотя и дико интересно.

После, казалось бы, бесконечных процедур покраски, смывки и простого ожидания с завернутыми во что–то волосами, ощущала себя выжатой досуха. Не физически, нет, морально.

– Ну чего ты трясешься, как осиноый лист? – укоряли меня девчонки. А я вздыхала, закрывала глаза и пыталась представить, что мне все снится и этот ужас происходит не

со мной.

Особо неудобно мне было, когда мастер мыла мои волосы, сушила феном и обрабатывала жидким шелком. Никогда не ходила по салонам – если только остричь длину или кончики подровнять. А сейчас развернулась целая эпопея! «Война и мир» нервно курит в сторонке.

– Готово! – торжественно произнесла девушка и повернула меня лицом к зеркалу.

– Так, Ржевская. Ты издеваешься? – гневно наехала на меня Лена.

Замотала головой. Подумаешь, сижу с закрытыми глазами – боюсь открыть и увидеть себя. По ощущениям, волосы на месте. Не облысела. А вдруг там тихий ужас? Пакля или солома?

– Открой глаза! – присоединилась к Лене Настя. – Полюбуйся на себя, роковая красотка. Правда тебе очень идет!

Ну раз так, то... медленно приоткрыла один глаз, затем второй. Да так и застыла с приоткрытым ртом.

– И совсем не страшно, правда ведь?

Правда. Здорово. Нет, я серьезно. Цвет оказался очень красивым – благородным, действительно платиновым. Не таким белым, каким я боялась его увидеть. Назвала бы его серебристым с легким золотым отливом. Не хуже Мишки теперь – так же сверкать под солнечными лучами буду. Я даже пожалела, что фотосессия была проведена вчера.

Со светлыми волосами я выглядела... моложе внешне, как

будто бы свежее, но при этом, что даже странно, серьезнее и представительнее. Благороднее.

– Не молчи, Кира! Скажи уже что–нибудь? Неужели не нравится? – Настя сгорала от нетерпения. Тихое сопение Лены вторило ее речи. Чувствовала я, что Лена переживала.

– Нравится! Девчонки, правда. Не подумала бы никогда, но здорово!

– Слава богу, – выдохнули все трое, включая стилиста.

Интересно, а как отреагируют родители? Надо бы запастьись валерьяночкой.

На обратном пути сначала завезла Настасью, а потом уже Лену. Насте–то ведь спешить нужно было. Время – обед, а она еще не готова к вечернему походу в ресторан. Елена предложила зайти к ней пообедать. Пересилила себя – согласилась.

– Лен, а сколько ты заплатила? Только честно.

– Сколько бы не заплатила, все мои. И это был подарок. Надо же тебя из раковины вытаскивать.

– Спасибо, – искренне улыбнулась я, не понимая, за что мне такое счастье в виде Леденниковой привалило. Видимо Небеса надо мной сжалились.

– Слушай, а Расскажи–ка мне о Максиме подробнее. Что еще знаешь о нем? Может, мы с ним работали? Раз ты говоришь, что выглядел представительно, то тут одно из двух: либо бизнесмен, либо политик.

– Да не знаю. Я его особо–то не разглядывала. Про внеш-

ность сказала – не очень яркая, но почему-то притягивает. Хотя и холодинка есть какая-то.

– А ездит на чем?

– Ярко-синий «Инфинити», паркетник.

– Не, – качнула головой Лена, – никого на Инфинити не знаю. Но если звонить будет, ты фамилию узнай. Пробьём, – глаза подружки загорелись. – Сразу всю подноготную нароём.

– Договорились, – хмыкнула я, хотя знала точно, что на звонок от Максима отвечать не буду. – Спасибо, Ленусь. Я в «Легион» поеду, обещала Мишку взять.

– Давай, до завтра, Кира! И чтоб в юбке пришла!

Я закатила глаза. Вот же заноза!

Оказавшись на конюшне, первым делом переоделась – любимые бежевые «конные» бриджи с темно-коричневой замшевой леей, шоколадную футболку и добротные сапоги, купленные еще в период моих выступлений на соревнованиях. Волосы заплела в косу и завернула "шишечкой", закрепив кучей шпилек. А на голову, конечно, шлем – после последних падений приучилась носить его на каждом занятии. Не знаю, что заставило сделать крюк – обойти конюшни с торца, пройдя рядом с плацами.

Один из них был занят только одной парой – видимо, начинающим всадником–мужчиной и незнакомым мне тренером–женщиной. Что-то меня в них смущало. Может, джинсы и кроссовки на всаднике, или некоторая нервозность лошади. И в момент, когда тренер как раз отошла к ограде,

чтобы поговорить с еще одной женщиной, раздался грохот. И гнедая, взвизгнув, резко припустила с места.

– Ну твою ж дивизию! – процедила сквозь зубы я, понимая, что долго мужчине не усидеть. Как это еще он удержался–то? Поднырнула под ограждением и бросилась на плац. Ну идиоты! Кто же берет для новичка Баттерфляй? Она же хуже дикого кролика – до того пугливая.

Мужчине повезло – я довольно долго работала Батти и знала, как успокоить нервную кобылу.

– Батти, на–на! – выставила вперед руку с лакомством – раньше всегда срабатывало. Больше чем пугаться, кобыла обожала только лакомства. Повернув ко мне уши, Баттерфляй уже целенаправленно бежала в мою сторону. Поймала за повод испуганную кобылу, облегченно выдохнув. Ну слава богу! Пронесло.

– Ох, извините, пожалуйста! – принялась извиняться перед мужчиной я. И пускай вины на мне не лежало, но стоило заранее сгладить острые углы. Конфликты и проблемы клубу не нужны. Тут и подбежала тренер – видимо, новенькая, молоденькая. Может, даже и не тренер, а так помощница. Не удержалась – грубо огрызнулась на нее и отправила вон – позвать того, кто назначил ее на это занятие.

– Не стоит извинений, – знакомым голосом заявил мужчина. Да не может быть? Посмотрела на всадника – слепившее солнце не давало разглядеть лицо. Пришлось прищуриться. – Мне даже понравилось.

– Максим? – выдохнула я, когда всадник снял шлем.

– Неожиданная встреча, Кира. Неожиданная, но приятная. Учитывая, что ты игнорируешь мои звонки.

Громко фыркнула и неожиданно для самой себя заявила:

– Не надо было ловить Батти. Знала бы, что это ты, так...

– Это месть, Кирюш? – резко выдохнул Максим.

Как раз подошли девушка и знакомая мне тренер. Я угадала – та девушка была помощницей. С тренером мы были во вполне хороших отношениях, и потому я не преминула высказать все, что думаю по этой ситуации. Конечно, после того, как Максиму помогли спешиться, а Батти отправили шагать. Зацепила меня эта ситуация. А уж, как человек, предотвративший травму клиента, право имела возмущаться.

Разобравшись с ситуацией, сжав кулаки, подошла к Максиму.

– Никакая это не месть, – огрызнулась. – Я только что спасла твою задницу.

– Не будь такой грубой. Я же извинился за вчерашнее!

– Засунь ты свои извинения в кхм... – не договорив и развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошла в конюшню.

На этот раз Максим несколько задержался – что же это он делал у меня за спиной? Заминка оказалась недолгой – далеко уйти не успела, мужчина быстро догнал.

– Да ладно тебе, Кир! Я ведь тебе теперь должен. И ты не можешь не принять моей благодарности.

– Для человека, которого впервые в жизни понесла лошадь, ты слишком спокоен! – высказала все, что думаю.

– Ну и что бы со мной было? Грунт, как вы говорите, мягкий. На голове – шлем. А падать в случае чего я умею. Я даже сам удивлен, что удержался, когда лошадь испугалась.

Я недоверчиво остановилась.

– Ты вообще не боялся? – глупо, конечно, жить без страха нельзя. Но только за свою уверенность Максим достоин уважения. Не каждый мужчина спокойно переживет такое потрясение. Упасть и свернуть шею – легче легкого.

– Боялся, конечно, но что сделаешь–то? Батти не виновата. Испугалась. Вот и все.

Раздражение, поднявшееся в душе, улеглось. Ну хоть это он понимает. Радует. Один «плюсик» Максим заработал.

– Так почему ты не отвечала на звонок? – чуть недовольно задал вопрос Максим.

– Некогда было, – уже спокойно пожала плечами. Не говорить же, что и не собиралась?

– И ночью? – как–то двусмысленно произнес мужчина.

– А ночью, уважаемый, я сплю, – заявила я. – Слушай, если ты собрался отвлекать меня, то не стоит. Правда. Меня Мишка заждался. Ты же, наверное, торопишься, да?

– Нет, – хмыкнул Максим. – Как раз сегодня я никуда не тороплюсь. Тем более что Судьба снова свела нас вместе. Ты же будешь не против, если я посмотрю на тебя?

Я открыла рот, чтобы ответить, но оказалась грубо пре-

рвана:

– Я знал, что ты не откажешь, – и снова эта самодовольная улыбка.

Не сказала ни слова, недовольно поджав губы. А, к черту его! Все равно не отвяжется. Пускай смотрит, мне не жалко. Может, и правда интересно? А там гляди и втянется – сам ездить начнет.

Пока чистила и седлала Михмалли, русоволосый все время находился рядом. Все спрашивал, интересовался, даже попросил позволить помочь ему. Отказать я не смогла. Мне показалось, что увлеченность Максима была искренней.

Рассказывала о статях и экстерьере лошади, используя ахалтекинца, как живой пример. Как-то незаметно для себя расслабилась в обществе нового знакомого. Он улыбался, смеялся над моими историями. Смахивать мягкой щеткой лошадиный бок у Максима не получалось – неуклюжие движения заставили расхохотаться.

– Ну что ты машешь, как мельница крыльями? Дай сюда и иди ко мне, – без задней мысли решила преподать мастер-класс я.

Мужчина встал мне за спину и я, увеличив ремешок щетки, продела в него руку:

– Давай, суй руку, клади на мою. И расслабь! Почувствуй мои движения. Не думай ни о чем. Просто чувствуй. Это легко!

Поняла, что сказанное прозвучало двусмысленно... и во-

обще не стоило настолько погружаться в процесс, лишь тогда, когда Максим прижался к моей спине и уткнулся носом в шею. Его ладонь сжала сильнее, чем нужно, мою руку. Мужское дыхание щекотало нежную кожу.

– Я понял, – низким хриплым голосом заявил новый знакомый. – Теперь расслабься ты. Проверь, правильно ли я делаю?

Левая рука мужчины вдруг оказалась на моей талии. А правой он действительно начал легко смахивать пыль, как будто делал это тысячу раз. Стоп. Так это он притворялся, чтобы, извините, прижаться ко мне?

– Максим! – зашипела я. – Отойди от меня.

– А то что? – промурлыкал мужчина, как ни в чем не бывало, продолжая управлять моей рукой и чистить бок ахалтекинца.

– Мишку натравлю, – гаркнула я, чувствуя, что происходящее переходит все рамки. Слишком... интимно. И слишком откровенно, хотя ничего такого Максим и не делал. Михмалли как раз недовольно топнул ногой, отгоняя мух.

– Боюсь–боюсь, – рассмеялся этот гад и отстранился.

Дальнейшую чистку закончила я сама. Больше мужчина не вмешивался. Только спиной чувствовала его внимательный изучающий взгляд. Ведь стоило догадаться, что хищник продолжает охоту и вовсе не стал послушным ручным котенком.

Когда выходили на улицу, Максим следовал за мной те-

нюю, как будто делая вид, что его здесь нет. Легко заскочив в седло, отправила жеребца шагать по периметру плаца. К сожалению, кроме нас занималось еще две пары. Мы умело разъезжались друг с другом большую часть времени, пока молоденькая всадница резко не вывернула перед носом Михмалли, подставив круп своей кобылы.

– Осторожно! Предупредила же, что жеребец! – не сдержалась я, осадив буланого. Почувствовала, как золотой конь подо мной напрягся, подобно сжатой пружине. – Ну все, начинается.

Довольно спокойный до этого и полностью контролируемый Мишка вдруг понял, что он не мерин. Он Жеребец. Именно так, с большой буквы. Гортанно заржал и, прижав голову к груди, загарцевал. Конец спокойной тренировки. Чем уж понравилась конкретно эта кобыла Мишке, я не поняла. Но от этого не легче – приходилось постоянно перебирать пальцами повод, привлекая внимание взбудораженного ахалтекинца.

Сидеть на нем стало невыносимо – несмотря на природные мягкие движения, он начал двигаться резко, рывками, накручивая себя, горячась и нервничая.

– Кира! – услышала голос Максима. – У него тут хм... хозяйство встало, – голос у мужчины был странным.

Несмотря на невеселую ситуацию, не смогла не съехидничать:

– Что, завидно?

Не видела реакции Максима, но чувала, что мне еще аукнется. Впрочем, наплевать. Важнее было успокоить возбужденного донельзя ахалтекинца. А что успокаивает? Правильно! Работа мозга. Вот и заставляла буланого выписываться разные загогулины, менять направление, то замедляться, то ускоряться. Чем больше начинал думать Мишка, тем мягче становились его движения. Успокаивается, выдохнула я. И кобыла – виновница всего – к счастью, покинула плац. Стало повеселее. Я даже смогла сделать несколько кругов спокойного галопа.

Задал же он мне жару. Вот не был бы жеребцом, цены бы ему не было! Но Мишка – конь не простой, а племенной, класса «элита», и Света ни в какую не соглашалась сделать из будущего производителя спортивного мерина.

Посмотрела на наручные часы – два часа! Этот золотой хмырь мурыжил меня два часа! То–то я не чувствую спины и ягодиц... Неужели Максим все еще сидит на трибунах? Обернулась – и правда, сидит, смотрит. Неужели так интересно?

На плацу мы остались одни, и я даже вынула ноги из стремян, болтая ими в воздухе.

– Кира, сядь нормально. Пожалуйста, – напряженно выдал Максим, сжимая челюсти. Да так, что даже желваки выступили.

– Успокойся. Все нормально, – правильно расценила я причину сказанной фразы. Переживает, что жеребец снова

начнет ерепениться.

– Мне не нравится, что...

– Макс! – неожиданно для себя сократила имя. – Не начинай, хорошо? Я лучше знаю, что мне можно, а что нет. И вообще. Кто ты такой, чтобы ставить мне условия?

Мужчина одарил меня ледяным взглядом. Угу, задела я его самолюбие. Настойчивость начинала раздражать – ведь я заметила, как сильно Максим походил на Данила. Тоже пытается все контролировать. А я больше так не хочу. Спасибо.

В конюшню топали в тишине. Закончив с Мишкой, пошла в раздевалку. Максим – за мной. Зашли вместе. А что? Пускай, мне не жалко. Все равно переодеваться я была не в состоянии, потому просто решила собрать в сумку чистые вещи. Сняла шлем, распустила волосы, довольно тряхнув светлой гривой и помассировав кожу головы.

– Что у тебя с волосами? – втянув носом воздух, совсем по-змеиному прошипел Максим. – Ты что, рехнулась?

Ну вот. Не понравилось. Только меня это почему-то обрадовало. Может, так и интерес ко мне потеряет? Небрежно повела плечом.

– Не нравится? – задала провокационный вопрос, встав вполоборота к этому змеелюду. Хорошо шипит! Видимо опыт большой.

– Нет, тебе идет, – пошел на попятную русоволосый. – Но зачем? У тебя и так были очень красивые длинные волосы. Кто надоумил тебя перекраситься? Назови мне имя, Кира.

– И что будет? – спросила не без интереса.

– Мозги прочищу этому умнику. Надо же! Испортить такую красоту.

– Ах, испортить? – почему–то обиделась я. – Максим, уйди, пожалуйста. От греха подальше, а. Ну что тебе от меня надо? Чего ты ко мне привязался?

– Черт, Кира, извини, вылетело. Нет, правда, тебе очень идет. Ты изменилась. Но русая была как–то домашнее, милее, нежнее.

Зря он это сказал. Домашнее? А разве можно быть более домашней, чем была я? Значит, не выгляжу сейчас такой «уютной»? Ну и здорово! Это именно тот эффект, которого я хотела добиться!

– А я не хочу быть домашней, – скривилась я. – Спасибо, хватило.

Максим задумчиво хмыкнул, будто делая для себя какие–то выводы. А потом вдруг вышел из раздевалки, кинув:

– Переодевайся скорее и поехали. Я отвезу тебя домой.

– У меня есть машина!

– Есть, – уже через двери согласился он. – Но у тебя спущены колеса. Все четыре.

Простите?

И о каком переодевании могла идти речь? Я вылетела из раздевалки, как ошпаренная, проносясь мимо удивленного Максима, не успевшего остановить меня. На стоянке оказалась быстро – белая японка сиротливо скребла днищем ас-

фальт.

– Ёшкин кот, – едва сдерживая слезы, простонала я. Если мне порезали резину, это будет катастрофой – у меня нет денег на новую. Нервно присела к переднему колесу, вглядываясь, пытаюсь найти причину спущенного воздуха.

– Ну слава богу, – уже облегченно добавила, заметив, что с ниппеля скручен колпачок. Видимо отжали острым предметом. На трех других колесах – такая же ерунда. Даже не верилось, что обошлось. Но ошибки быть не могло – колеса спустили специально. Вопрос: кому я перешла дорогу и когда они это сделали?

– Ты чего рванулась? – не торопясь, подошел Максим, чуя, что никуда я от него не денусь. – Всего лишь колеса. Я же сказал, что отвезу тебя.

– Всего лишь колеса? – резко обернулась к нему. – Может, для тебя купить новую резину, как за сигаретами сбегать. Но извини, у меня нет таких денег.

Мужчина вглядывался в мое лицо, как будто не веря, что я говорю правду.

– Тогда я тебя не понимаю, – хохотнул он. – Занимаешься в дорогом конном клубе, но купить новую резину не в состоянии.

– Ах вот ты о чем, – довольно изрекла я. – Ты ошибся, Максим. Я не из этих, – и повела плечом, как будто была уверена, что он меня поймет. – Я не твоего круга. И деньги я не плачу, а всего лишь помогаю знакомой с Мишкой.

Напряженно сжатая челюсть Максима меня не удивила. Ошибся, с кем не бывает? Подумал, что я тоже деньги пачками штампую, а тут оказалось, что перед ним не птица высокого полета. Так, воробей, по забору скачущий.

– Возникает закономерный вопрос: откуда у тебя такая машина? – вызывающе поднятая бровь заставила подавить нервный смешок.

– От верблюда, – хмыкнула.

Меня больше занимал вопрос поиска того поганца, что спустил мне колеса. С тем фактом, что Максим откуда-то узнал об этом, хотя вроде не уходил с трибун, и «по случайности» предложил подвезти, решила разобраться позже.

– Куда ты? – не дал уйти мне далеко мужчина. Вот чего он привязался-то?

– Смотреть запись с камер, – не оборачиваясь, бросила ему в ответ.

– Идем вместе, – мое мнение было Максиму по боку.

– Нет, я иду одна. А ты едешь домой или куда ты там хочешь.

– Я обещал тебя отвезти, Кира, – Максим легонько, но крепко обхватил мою руку своей ладонью, заставляя остановиться. – Я всегда исполняю обещания.

– Отпусти. Руку, – медленно выдала, буравя мужчину взглядом. Но пальцы только крепче сжались на запястье.

– Нет, – ответил он мне точно таким же уверенным взглядом. И долго мы будем играть в гляделки? Грубостью этого

парня не отвадить. Значит, надо пытаться действовать мягче.

– Максим, пожалуйста, – прикрыв глаза, прошептала. – Мне больно.

Смотри–ка, подействовала. Максим медленно высвободил мою конечность из своих цепких лап.

– Спасибо, – кивнула я. – Я сейчас посмотрю записи, накачаю колеса и поеду домой. Сама. На своей машине. Одна.

Вот что он опять так удивился? Неужели я и правда создаю впечатление такой кисейной барышни? Или для него понятия «девушка» и «автомобиль» – взаимоисключающие? Должен же был понять, что я не из тех девочек, которые капот с багажником перепутать могут.

– С тобой сложно, Кира, – спустя секунду молчания выдал Максим. – Упертая. Я переживаю за тебя. Помочь мне не сложно.

– Только помощь? – не поверила я.

– Да. Только помощь. И ничего больше. Пока, – легкая улыбка на губах мужчины противоречила сказанным словам. Но ведь понимала, что не отвяжется. Хочет помочь? Пускай. Что–то большее? Нет, не дождется.

К охране заходила, дрожа от нетерпения. Должен же это козленуш был попасться на камеру! Меня выслушали, кивнули, даже признали, что сами не углядели, но клятвенно попросили не оповещать начальство, чтобы им по шапке не попало – все–таки уровень комплекса обязывает. Согласи-

лась – ребята не виноваты. Не уследить же им за всем. Хотя пускай и ответственность они несут. За это даже усадили на стул и всучили в руку кружку с чаем – успокоить нервишки. Вдохнула аромат зеленого травяного напитка и вперилась в экран.

Итак, пакостник великолепно справился. Даже крупным планом на видео попал! Молоденький парнишка, лет пятнадцать, в красной кепке, серой футболке и модных нынче «рваных» джинсах. Украдкой перевела взгляд на Максима – он так же, как и я, внимательно следил за происходящим. Лицо напряжено, задумчив – не похоже, что он причастен.

Парнишка по очереди спустил колеса, отжимая клапан ниппеля перочинным ножичком. Почему его не видели? Как раз вся стоянка была заставлена машинами. А вот камера висела на столбе под таким углом, что дала прекрасный обзор.

– Я его знаю, – вдруг выдал один из охранников.

Мы с Максимом одновременно повернулись к говорившему.

– Этот парнишка вроде как с новой помощницей тренера пришел. С темненькой такой. Он у меня еще спрашивал, когда я на обходе был, что это за машина такая. Извините, Кира Георгиевна, виноват.

– Не виноват, – покачала головой. – Откуда вам знать было, что он не из праздного любопытства интересуется?

– Так это же я подтвердил, что на ней девушка ездит, когда он спросил.

– Вы виноваты, с этим я согласен, – вдруг серьезно выдал Максим. – Но ситуация нестандартная. Вы прежде всего отвечаете за то, чтобы на территорию не проникли посторонние. А то, что кто-то из местных, мог решиться на порчу чужого имущества – даже мне бы в голову не пришло.

Охранник покачал головой.

– Так как вы говорите? С помощницей тренера? Сможете на камере показать?

Показал. Вот же...! Мало того, что клиента чуть не угробила, так еще и решила отомстить за позор. Братца, видимо, своего подначила. Жаль, что они уже уехали. Но раз, фактически, дело рук персонала, то администрацию нужно подключать обязательно. Охрана обещала поставить в известность Левина.

Максим сдержал слово – помог. Точнее, попытался. Я не дала ему и прикоснуться к любимой машине – сама подключила компрессор к прикуривателю, накачала колеса. Жаль, что красивые колпачки с ниппеля утащили – они радужные были, как будто бензиновая лужа. Мужчина сначала сопротивлялся, пытался отобрать компрессор. Мне пришлось даже совсем по-детски убежать от него по стоянке! Практически поймал – но в последний момент я успела ускользнуть из объятий.

Поставив японку на колеса, все-таки сказала:

– Спасибо, Максим. Ты мог быть уже дома.

Русоволосый хмыкнул:

– Сначала спрашивала, а сейчас благодаришь? Странная ты, Кира.

Но надо признать, что Максим так и шурился от удовольствия – льстила ему благодарность.

– Кир, давай будем вести себя как взрослые люди, – сказал он, когда я уже села в машину и завела мотор.

Ожидаясь посмотрела на него.

– Ответь, когда я буду звонить. Тебе несложно, мне приятно.

– Посмотрим, – понимая, что пока в самом выгодном положении нахожусь именно я, протянула безразлично. А затем, вторя его вчерашней выходке, резко сорвалась с места, с пробуксовкой и визгом шин.

Посмотрела в боковое зеркало – отскочивший от автомобиля мужчина, сложил руки на груди и провожал меня взглядом.

Один – один, Максим. Может, у тебя создалось обо мне неверное впечатление, но придется тебе считаться и с моим мнением.

Глава пятая

Понедельник – день тяжелый. Особенно в моем случае. После вчерашних выкрутасов Мишки чувствовала себя настоящей клячей. На работу пришлось ехать на автобусе. Загоревшийся значок бензоколонки на приборной панели японки навевал грусть. Хмурилась и погода. Теплые и сол-

нечные выходные сменились промозглыми и дождливыми буднями.

Торопливо шагала в сторону бизнес-центра, то и дело обходя или перепрыгивая лужи. Дождь, ливший всю ночь, превратил город в огромное болото. Ливневые канализации не справлялись, и стремительно пролетающие по проезжей части автомобили норовили обрызгать прохожих с ног до головы.

Проснувшись утром, выглянула в распахнутое настежь окно и глубоко вдохнула свежий пьянящий воздух. Вкусно! Всегда любила аромат озона после дождя.

Облачаться в юбку не стала. Вместо этого натянула прямые, чуть суженные брюки со стрелками, в них заправила белоснежную рубашку с коротким рукавом. Всегда любила интересные элементы в одежде – и в этот раз с блаженной улыбкой накинула на плечи подтяжки от брюк, на шею – женский тоненький галстук. Придирчиво оглядела себя в зеркале – так одеваться с темными волосами почему-то не решалась, а вот в новом образе я выглядела вполне строго, официально и... дразняще. Немного подумав, дополнила картинку свободным пиджаком с рукавами до локтя.

Собиралась долго – видимо изменение цвета волос заставило пересмотреть некоторые моменты собственной внешности, хотелось выглядеть по-особенному, не так, как обычно. Воронцов придрататься не должен – костюм темный, рубашка белая, с воротничком, декольте не наблюдается. А то,

что расстегнутый пиджак акцентирует внимание на черном галстуке, приковывая взгляд к груди, и ремешках подтяжек – не катастрофа, не так ли? И все равно я выглядела как–то не так. Но как – объяснить не могла.

Каблуки стучали по темному, пропитанному водой асфальту. Волосы, затянутые в конский хвост чуть выше затылка, спускались до талии. Но мне отчаянно хотелось их распустить, укрываясь самым уютным в мире плащом, защищающим от промозглой сырости. За столько лет с длинной гривой отвыкла от обнаженной шеи. Налетающий и касающийся нежной кожи ветер вызывал дрожь и мурашки, скользившие от затылка вдоль по позвоночнику.

Зонт не взяла – и потому, поглядывая на затянутое серой хмарью небо, задумчиво прикусывала губу. Лишь бы снова не ливануло. Не нравились и громовые раскаты, сначала тихие, едва слышные, а теперь играющие только им известную мелодию. Когда закрапали первые капли, я уже юркнула в золотую высотку, высящуюся, словно маяк, указывающий путь кораблям в беснующемся море. Город и правда напоминал полотно Айвазовского.

Маринистов любила моя мама и еще с детства вырезала репродукции их картин с журналов, складывая в особенную папку. Лично мне удалось лишь один раз лицезреть те самые вырезки – для матери они были настоящим сокровищем.

Сквозь прозрачное желтое стекло смотреть на дождь было одно удовольствие.

– Доброе утро, – улыбнулась представителям службы безопасности.

– Вы рано, – поднял на меня глаза секьюрити. – С «Немезиса», да?

– Угадали, – даже не были удивлена я. Я ведь не первая секретарша, которую Воронцов просит приходить пораньше? – Удачного дня вам.

– И вам того же.

В затерянном среди дождей городе каждая частичка тепла на счету. Поднявшись на тридцатый, поняла, что Воронцова еще нет. Иначе бы створка окна возле лифта была бы открыта – в прошлый раз шеф, когда мы оказались в офисе, первым делом сделал именно это.

Интересно, на ночь закрываются ли помещения? Или охраны и камер видео-наблюдения достаточно? Почему – то мне казалось, что нет, не закрываются. Но легкая доступность офисов могла оказаться заблуждением. Иначе вряд ли бы квадратные метры в таких бизнес-центрах стоили бешеные деньги.

Оказавшись в приемной, включила ноутбук. Глазами пробежала ряд разноцветных папок – на корешках наклеена фамилия клиента. Папки расставлены невпопад – еще в первый день заметила, что никакой логики в их стройном ряду нет. Почему бы не разобрать?

Всего – восемь рядов, самый верхний на уровне моей головы. Решила начать с него. Всегда в детстве любила играть

в «пятнашки». Вот и сейчас не стала опускать все на пол – заниматься постройками разноцветных хлипких башен или устраивать цветной кавардак на полу не хотела. Действовала проще: меняла папки местами, позабыв о времени.

Недовольное «кхм» застало меня на том моменте, когда я, открыв одно из дел, увлеченно вчитывалась в документы. Не успела обернуться, Воронцов заговорил с такой интонацией, что захотелось провалиться под землю.

– У меня к вам два вопроса: кто вы и что вам здесь надо? – низкий, рокочущий, с гневными нотками голос, от которого из живота поднялась волна страха. Неужели не узнал? – Верните документы на полку.

Послушно поставила папку и, сглотнув вязкую слюну, повернулась к начальнику.

Расширившиеся от удивления серые глаза Воронцова стали мне самой лучшей наградой.

– Кира? Это вы? – Кирилл Романович, напряженно замерший на входе, словно почуявший добычу охотничий пёс, тут же расслабился и откинул черный пиджак на кресло.

– Я, – коротко кивнула, продолжая вполоборота стоять у стеллажей и полок.

– Не ожидал. Кажется, у вас был другой цвет волос.

– Был, – согласилась.

– Хм, – многозначительно выдал начальник и, стоило мне встать ровно, обвел мою фигуру внимательным, долгим взглядом. – Вы сегодня прекрасно выглядите.

Это точно Воронцов?

– Спасибо, – улыбнулась я, откидывая платиновый хвост с плеча за спину.

– Не думал, что у вас такие длинные волосы, – продолжил шокировать меня мужчина.

Я улыбнулась. Происходящее все больше напоминало фарс. Нужно было что-то делать, пока я окончательно не утвердилась в мысли, что моего шефа в выходные украли инопланетяне.

– Кирилл Романович, вы не против? Я начала разбирать папки, расставляя в алфавитном порядке?

– Отличная идея, Кира, – и он стремительно направился к кабинету.

– Кофе? – предложила я.

– Кхм... нет, не надо, – и скрылся у себя, громко хлопнув дверью.

И что сейчас было? Черный пиджак так и остался сиротливо откинутым. Долго смотрела на темную ткань, пытаюсь определиться: отнести или не отнести? Воронцов повел себя, мягко говоря, странно. Если его первоначальная реакция, когда он увидел незнакомого человека, роющегося в документах, казалась мне адекватной и закономерной... то вот относительно дальнейшей я и не знала, что подумать. Решила дать время начальнику, чтобы тот привел свои мысли в порядок. А пока снова занялась папками.

Старалась больше в них не заглядывать, хотя было жутко

интересно. Там же всё: и процессуальные документы, и копии договоров, и протоколы... Настоящее сокровище!

Перебирая папки, долго продержаться не смогла – дорогой пиджак все время попадал в поле зрения.

– Черти чё и с боку бантик, – неожиданно даже для самой себя пробубнила и осторожно подняла вещь с кресла. А ткань какая мягкая – понятно, за что платят, покупая такие вещи. Пиджак пах Воронцовым. Тем самым парфюмом, который несколько дней назад вскружил мне голову. Интересно, если Кирилл Романович вдруг не найдет вещь на кресле, сильно расстроится? Тихонько рассмеялась от бредовых мыслей, посетивших голову. Нет, нужно бы избавляться от вещички – а то действует она на меня, как наркотик. Опыняет, кружит голову. А ведь Воронцов – мой начальник, и испытывать никаких желаний – даже прижаться носом к шее и вдыхать его запах – я не должна.

С замирающим сердцем подошла к двери в кабинет Воронцова. Постучалась, чувствуя подкатывающий к горлу ком. Ответа не последовало. Может, что-то случилось? Ведь наверняка с Кириллом Романовичем что-то не то. Может поэтому он и вел себя странно.

Тихонько приоткрыла дверь и заглянула. Кресло за рабочим столом пустовало. Шеф обнаружился на огромном кожаном кресле с высокими подлокотниками, стоящем в левом углу кабинета. Мужчина уютно расположился, утопая в дutoй спинке роскошной мебели. Ноги широко расставле-

ны; одна рука небрежно лежит на подлокотнике, вторая – на пряжке ремня. Воронцов спал, чуть повернув голову и прижимаясь щекой к креслу.

Улыбнулась. Не я одна сплю на рабочем месте. Мышцы лица расслаблены, губы чуть приоткрыты. На ангелочка начальник не смахивал, скорее на чертенка, замученного ежедневными пакостями. Странно было видеть строгого Воронцова в таком незащищенном состоянии. У животных совместный сон – показатель доверия. Лошадь никогда не ляжет в присутствии человека, если не доверяет ему. У людей... у людей, пожалуй, тоже.

Стараясь сильно не шуметь, повесила пиджак на спинку офисного кресла и, еще раз обернувшись на притихшего мужчину, тихо претворила за собой дверь. Скорее всего, проснется Воронцов не скоро. Поэтому решила сходить к Лене. Судя по времени, она уже на рабочем месте.

– Приве–е–ет, красotka, – присвистнула подруга, едва заметив меня. – Выглядишь – огонь!

– Да брось, – усмехнулась я. Приятно, черт возьми.

– Город Грехов отдыхает, – подмигнула Лена. – Горячо, чертовски горячо! Воронцов уже видел?

– Видел, – хихикнула. – Он меня не узнал.

Рассказ об утреннем происшествии из моих уст звучал как дешевая пьеска. Но подруга оценила. Делиться тем, что начальник спит, не стала. Я же вообще не должна была это увидеть.

– Кирилл вечером на мальчишник ходил, друг его лучший женится. Так что сегодня сильно зверствовать не будет.

Так вот, в чем дело. Но что-то Ленка скрывает. Слишком уж личико у нее хитрое и глаза сверкают.

– А чего это ты так гаденько ухмыляешься? – облокотилась о ее стол я.

– Знаешь, какая тема мальчишника была? Ты же в курсе, что сейчас у народа бзик на тематические свадьбы и прочую мишуру.

– И? – не выдержала я.

– Чикаго тридцатых годов, Кира.

Я нахмурилась. Что-то знакомое...

– Дремучая! – подмигнула Лена и, нагнувшись, с придыханием прошептала: – Мафия. Гангстеры. Брюки с подтяжками.

Я прижала ладонь к губам, сдерживая смех. Да не может быть!

– Девочки-стриптизерши тоже были с подтяжками. Сначала. Прямо, как ты сейчас.

Сказанное дошло не сразу. А когда дошло... Твою ж... Я испуганно распахнула глаза и тут же засмеялась, хотя нет, заржала. Стыдно-то как! Понятно, почему Воронцов так отреагировал.

– Боже. Мой, – умудрилась выдавить сквозь смех.

– Именно так. У тебя сегодня очень подходящий наряд.

Наш дружный смех привлекал внимание проходящих со-

трудников. Волновало ли это нас? Нисколько.

Когда шла к себе, на губах блуждала предвкушающая улыбка. Да-а-а, господин Воронцов, представляю, что вы испытали. Выдержите ли вы этот день? Вот, в чем вопрос.

Я поняла, что спящий шеф – это удобно, когда допивала вторую чашку кофе. Переделала все дела – даже расписание на следующие недели накидала. Позвонила назначенным клиентам, оповестила их о времени встреч и даже еще позанималась папками. Чувствовала себя пчелкой Майей. И самое приятное из всего этого – я могла сама выбирать, чем мне заняться. А выполнив все необходимое, можно было немножко забыть о том, что ты на работе.

Вот я и потягивала кофе, калякая морду Мишки на листе бумаги. Выходило откровенно плохо – никогда не умела рисовать. Но что странно, глаза получались хорошие – живые, с той самой присущей ахалтекинцу хитринкой. Добавив смешной морде залихватский высунутый язык, довольно откинулась на спинку стула. Красота! Хоть сейчас на деннике Михмалли вешай.

Еще через пять минут поняла, что мне стало скучно. Решила позвонить Светке, пожаловаться на Мишку. Ответила на звонок Света после второго гудка.

– Кира, привет! Только собиралась тебе звонить, но подумала, что не стоит.

– Привет, Свет! Вот я и решила тебе набрать, – перекинула волосы на плечо и стала наматывать локон на палец.

– Рассказывай, как вчера съездила?

– Не спрашивай, серьезно, – в моем голосе слышалась обида.

– Что случилось? – тут же посерьезнела Света. – Что-то с тобой? Или с Мишей?

– Со мной. Миша твой – настоящий жеребец!

Знакомая звонко рассмеялась.

– Ты только это поняла?

– Угу. Представляешь, два часа, Света, два гребаных часа я пыталась его успокоить! Такое ощущение, будто он неделю стоял и только сейчас смог напряжение выпустить!

– Так сильно жеребцовал?

– Не просто сильно. Он двигался, как ненормальный. Ты бы знала, как я себя сейчас дерьмово чувствую. Спина и поясница адски ноют, а задница... он отбил мне всю задницу, – доказывая свои слова, чуть застонала.

– Понимаю, Кирусь, – вздохнула Света где-то там. – Но тебе же не привыкать. Ты сколько уже со мной и Мишкой? Не меньше шести лет, так это точно.

Я потянулась, как кошка, изогнув больную поясницу. На самом деле я немного преувеличила – пятую точку отбила не так уж и сильно, но мы давно играли со Светой в игру: кто кого пережалобит.

– Так что в следующий раз я выберу Витю! Сама будешь с Мишей мучиться!

Витя – это второй конь Светы. На этот раз не мечта дет-

ства, а серьезное спортивное приобретение. Винтеркайзер – огромный добродушный голландский теплокровный мерин – был привезен Светой из Европы и являлся ее основной лошады. Именно на нем она прыгала конкура и занимала призовые места, выезжая на соревнования высокого уровня.

– Неее, – протянула Света. – Мишка – твой. Ладно, я побежала, дел – умотаться.

– Давай, пока, – хихикнула я и посмотрела в зеркало, ви-
сующее на противоположной стене.

Да так и застыла – в отражении, привалившись к дверно-
му косяку, стоял Воронцов. Смотрел на меня таким стран-
ным взглядом – смесь удивления, отвращения и неверия. Скривил губы с легким намеком на ухмылку, а глаза серьез-
ные–серьезные.

Мамочки... а как давно он тут стоит? И главное, сколь-
ко он услышал? Ведь разговор двух женщин–конников – это
вещь своеобразная. Непосвященным слышатся очень пош-
лые и непотребные вещи. И судя по начальнику, слышал он
весь разговор.

– Кира, – и голос такой проникновенный. – Будьте добры,
кофе в мой кабинет. И зайдите сами.

По ощущениям сердце опустилось в пятки. И стучит так
гулко–гулко, часто–часто. По телу то ли жар расплылся, то
ли холодок пробежал, а может все вместе и одновременно.

– Сейчас, Кирилл Романович, – сухо кивнула я, не разры-
вая контакта с глазами Воронцова в отражении.

Дождавшись моего кивка, начальник вернулся к себе. Что ты разволновалась, Кирочка, не съест же он тебя. В самом-то деле! Ну, услышал разговор. И что с того? Главное, чтобы сильно не придирался и зарплату платил исправно. А все остальное – мелочи, пережить можно. Встала, оправив брюки на бедрах. Может, снять галстук и подтяжки? Нет, плохая идея. Это будет означать, что я в курсе веселого вечера Воронцова. Попадет Лене за сплетни в офисе. А потому пришлось взять себя в руки.

Кофе-машина выделялась. Кнопка, отвечающая за количество сахара, перестала срабатывать еще тогда, когда я делала напиток себе. И потому сейчас даже не обратила на нее внимания – все равно Воронцов его без сахара хлещет. Никогда не понимала, как так можно?

Минуты две стояла, держа кулачок практически в миллиметре от двери начальника. Не могла решиться.

– Ни пуха, ни пера, – тихонько прошептала себе под нос и сама же ответила: – К черту!

Тут-тук-тук. Кто там? Это я, почтальон Печкин. Всплывшие в памяти строчки прибавили уверенности.

Подождала несколько мгновений после стука и, нажав ручку, толкнула дверь. Та бесшумно распахнулась, явив мне Воронцова, присевшего на письменный стол и сложившего на груди руки. Начальник снова был в пиджаке. Нет, все-таки надо было оставить сей элегантный и приятно пахнущий предмет гардероба у себя. Замешкалась, чем вызвала недо-

вольствие шефа.

– Проходите, Кира. Я не кусаюсь, – недовольно закатил глаза Воронцов. – Вы что-то натворили?

Я тут же насупилась и переступила порог, позабыв о собственных сомнениях:

– Нет, с чего вы взяли?

– Так почему идете ко мне, как на эшафот?

– Я не... – вскинулась я.

– Нет, вы выглядите так, как будто я заставлю вас встать на колени, – Воронцов сделал легкую паузу, – и положить голову на пень.

– Зачем? – вылетело раньше, чем я смогла захлопнуть рот. Язык мой – враг мой.

– Чтобы я обезглавил вас, Кира. Это же эшафот.

Хуже того, что я не понимала, шутит он или нет – на лице нет ни намека на смех. Смотрит серьезно, словно действительно приговор выносит. И все-таки я была благодарна за то, что Воронцов умело отвлек меня от снедающих мыслей. Как будто чувствовал, что в голове у меня черт ногу сломит. Решительно подошла к рабочему столу и встала напротив мужчины.

– Вы просили кофе, – напомнила я.

– Просил, – согласился начальник.

Тяжко вздохнула, перевела взгляд с шефа на стол и обратно.

– Можно я поставлю поднос?

– Ставьте, Кира, – хмыкнул Воронцов и чуть–чуть пододвинулся в сторону.

Даже при таком раскладе мне пришлось практически вплотную приблизиться к мужчине. Стол был узким, как будто бы старинным, темно–вишневого цвета. Пыталась посчитать, сколько раз его лакировали, пока находилась в «зоне поражения». Парфюм Воронцова окутывал приятной томной дымкой, но я стоически задерживала дыхание. Выставила чашку на столешницу и забрала поднос, собираясь его унести, но начальник остановил меня, покачав головой.

– Сначала поговорим.

Раз начальство настаивает... Прижала к груди столь необходимую сейчас вещь на манер щита – ладно хоть поднос чистый, а то не хватало еще пятно на блузку посадить. Сесть не предложил. Потому отошла на пару шагов, прижавшись лодыжками к креслу, на котором некоторое время назад сладко спал Воронцов.

– Скажите, Кира. «Немезис» – ваше единственное место работы?

Нахмурилась, не понимая, к чему ведет начальник, но послушно кивнула. А он посмотрел так, как будто не поверил.

– Точно нигде больше не подрабатываете?

– Нет, – сжала губы.

– Обманиваете? Стыдитесь?

– Да нет же! – вспыхнула я, чувствуя, как в груди тлеет уголек злости. О чем он вообще? Я–то думала, что за разговоры

по телефону в рабочее время отчитывать будет.

– Хорошо, поставлю вопрос по-другому. Где вы были вчера вечером?

Это еще что за допрос?

– Дома, – мило улыбнулась, до того приторно, что аж у самой зубы свело.

– Всю ночь?

– Кирилл Романович! Я понимаю, что вы мой работодатель. Но в данный момент вы слегка перешли границы разумного, – до последнего старалась сохранить спокойствие.

– А как тогда понимать ваш внешний вид?

Словно обухом по голове ударили. Так вот он чем! Он что, подумал, будто я как-то связана с теми... стриптизершами? Не верит в совпадения, или повеселился не просто отлично, а лучше некуда? В смысле с продолжением банкета.

– Вы сейчас о волосах? – перекинула их на грудь и случайно провела рукой по всей длине хвоста. Воронцов неотрывно проследил за движением моей ладони и резко поднял на меня глаза. – Или об одежде?

Видимо сейчас до сосредоточенного мужчины стало доходить, что он попал в весьма неприятную ситуацию. И к вчерашним девушкам я не имею никакого отношения. Шумно втянул носом воздух, зажмурился и потер лоб.

– Извините, Кира. Прошу меня простить за бестактность. Я неважно себя чувствую.

– Выпейте кофе, остынет, – подсказала я. – Я могу идти?

– Идите. В кабинет к Евгению Васильевичу.

– Хорошо, – пожала плечами и направилась выполнять поручение. Мне как раз осталось разобрать совсем немного вещей.

Уже практически вышла в приемную, когда Воронцов окликнул меня снова. Остановилась и обернулась в ожидании. Неужели решился?

– Да, Кирилл Романович?

– При всем моем уважении, Кира, я не желаю знать подробности вашей интимной жизни и попрошу воздержаться от ее обсуждения в моем присутствии.

Не удержала улыбку, нагло скользнувшую по губам. Так и знала! Почему–то страх сменился игривым предвкушением. Ну разве ли не забавно? Безмятежно спал столько времени и подошел как раз в тот момент, когда я беседовала со Светой!

– Я не обсуждала свою..., – замялась, – интимную жизнь.

– Кира, сколько вам лет?

Заметила, что Воронцов – любитель задавать неудобные вопросы. Нет, а какой адекватный мужчина спросит женщину о ее возрасте? И все–таки мне стало интересно, к чему клонит начальник. Да и в личном деле он посмотрит без особых сложностей. Хранить столь стратегически важные сведения в тайне нет смысла.

– Двадцать два.

Судя по расширившимся глазам, для Воронцова это стало новостью. А сколько он думал?

– Я не хотел говорить то, что собираюсь. Но учитывая ваш возраст... Вы еще очень молоды, Кира. Мне нравится, как вы работаете, и потому промолчать я не могу несмотря на некоторую специфичность данной темы. Подумайте, к чему вы придете. Молодой девушке не стоит вести себя подобным образом. Вы можете сломать себе всю жизнь, если, – Воронцов как-то нервно усмехнулся, – будете настолько бездумно относиться к партнерам. Кроме того, следует ограничивать их порывы. Если вам дорого ваше здоровье, конечно.

Боже мой... Неужели он правда говорит это? Смущение накрыло с головой. Захотелось закрыть руками пылающее лицо, но чертов поднос мешается. Если честно, я и представить не могла, что Кирилл Романович пустится в наставления. Не видела я его невинным барашком. Но это..?

– Кирилл Романович! – застонала я. Вот бы распустить волосы – они бы скрыли меня от всепоглощающего чувства стыда. И вроде бы я девушка взрослая, но, когда начальник отчитывает, считая тебя распущенной особой, невольно начнешь ратовать за нравственность.

Мольба в голосе сыграла со мной злую шутку – Воронцов вдруг вздрогнул и резко встал. Сжал ладони в кулаки и принялся мерить кабинет шагами.

– Кира. Я говорю серьезные вещи.

– Вы сами мне только что сказали, что не желаете слушать ничего о моей личной жизни, – я специально заменила слово. Какая, к черту, интимная жизнь? Вот бы Мишка посме-

ялся, если бы мог понимать человеческую речь.

– Сказал, – остановился прямо напротив меня начальник. – Но это касается уже не только вас.

– Простите? – облизнув пересохшие губы, недоверчиво спросила я. Он понимает, что говорит?

– Репутацию «Немезиса» создают сотрудники. Учитывая вашу неразборчивость и свободные нравы, пострадать может и наша фирма. Пятно на вашей репутации – это пятно и на моей.

Воронцов буравил меня взглядом. Проще с ним согласиться, чем спорить. Все равно он будет стоять на своем. Ведь прекрасно слышал мои реплики... понятно, что он не имеет ни малейшего понятия, что речь шла о лошадях. И все-таки я сделала последнюю попытку.

– Мишка – жеребец, – уверенно повторила я, посмеив установить зрительный контакт с Воронцовым. Что я несу?! – Ой, ну в смысле он...

– Да мне нет дело до вашего Мишки! И до Витька, или как там этого второго зовут! – вскипел мужчина. – Я вам уже все сказал, Кира. Я надеюсь, что вы меня услышали и поняли. Идите уже. У вас много работы!

– Как вам угодно, Кирилл Романович, – сквозь зубы процедила я.

Он ведь даже не захотел выслушать меня. Напыщенный индюк! Вот не зря говорят: слышу звон да не знаю, где он. Кабинет покидала, гордо выпрямившись и чеканя шаг.

От прожигающего спину взгляда не загорелась, хотя вполне могла. И даже не споткнулась.

В коридоре наткнулась на Лену, мило беседующую с Димой.

Оба уставились на меня, как бараны на новые ворота.

– Кирусь? С тобой что?

– А, – махнула я головой. – Пошел он к... демонам.

И, не останавливаясь, прошла дальше, в кабинет Евгения Васильевича, хлопнув дверью. Ну что за цирк? Вот и как реагировать: смеяться или плакать? Многострадальный поднос со звоном выпал из рук. Не обратила внимание. Подкатила офисный стул на колесиках к стеклянной стене и села, уставившись в золотистые дали. Ситуация получалась весьма щекотливой. И надо было как-то выйти сухой из воды. С Воронцова станется уволить меня с мотивировкой в духе «за осквернение репутации в виду неразборчивости в выборе сексуальных партнеров». Тьфу ты. На себя бы посмотрел. Мачо–мучачо. Вспомнив, с каким выражением, говорил эту забавную фразочку курьер Серега, хихикнула. Нет, правда. Если серьезно. Почему ему можно, а мне нельзя?

Спокойно высидела минут пять, не больше. Но за это время в голову пришла очень интересная мысль: а зачем мне, собственно, разубеждать Воронцова? Мне с ним чай не пить, детей не крестить. Захочет уволить – тогда уже будем разбираться. Но унижаться, пытаясь добиться внимания от упертого начальника – дело неблагодарное и бесполезное.

Во внезапном порыве трудолюбия, налетевшем от абсурдности происшедшего, активно собирала вещи. Вторая коробка оказалась забита документами, папками, множеством ручек, какими-то ежедневниками и прочим канцелярским хламом. Интересно, а владелец этого кабинета понимает, что, если отдаст все пишущие принадлежности, которые лежали в ящике стола, он сможет обеспечить несколько классов средней школы?

Хоть и, как таковой, физической работы было не особо много, отключенный кондиционер давал о себе знать. Духота душила. Извините за каламбур. Не выдержала – сняла пиджак, аккуратно повесив его на разлапистую вешалку. Туда же отправился галстук. Расстегнула пуговицы до груди – все равно ведь никто не зайдет?

Некому сюда заходить. Воронцов злится, хотя я понятия не имела, чего он так завелся. Вряд ли он каждого сотрудника наставляет на путь истинный. А ко мне привязался! Вот, что я ему сделала? Пускай опыта мало, но я действительно стараюсь. Ведь и хвалил меня, а тут, как с цепи сорвался. Или влияет то, что я человек, непосредственно к нему приближенный? Тогда и правда – с меня спрос больше.

Настолько погрузилась в трудовую деятельность, что пришла в себя нескоро. Поглядела на циферблат часов – время, отведенное на обед, прошло. А вот подкрепиться бы не помешало... но идти к Воронцову и просить отпустить на перерыв не хотелось. Если честно, до меня дошло, что я пере-

гнула палку. Все–таки он мой босс, надо соблюдать субординацию.

Возможно, так бы сделала старая Кира. Но новая... новая вдруг поняла, что себе надо знать цену. И пойми я это сразу же после знакомства с Данилом – избежала бы многих ошибок, а жизнь моя сложилась бы по–другому.

Да и поведение Максима всколыхнуло воспоминания, что тоже повлияло на мои дальнейшие планы и эмоциональные установки. Пресмыкаться снова, уверяя себя же, что просто подстраиваешься под мужчину ради своего же блага? Не хочу, до рези в желудке не хочу. Вкусив свободу, терять ее не захочешь.

– Кажется, все, – я с материнской гордостью оглядывала пустой кабинет с кучей коробок посреди пола. Коробки даже подписала – где и что, мало ли. Следующий на очереди кабинет Воронцова. Остаться здесь больше не было смысла. А потому вновь нацепила галстук, перекинула через руку пиджак и пошла к себе.

Ставшая уже родной приемная встретила глухим гулом вибрации телефона, лежащего на столе. Торопливо взяла смартфон в руки, глядя на экран. Неизвестный номер. Нет уж, хватит с меня разговоров на сегодня. Сурово провела пальцем влево, сбрасывая вызов.

Только отложила чудо техники, как оно завибрировало снова. Но на этот раз коротко – значит, сообщение.

«Кира, ты так и будешь меня игнорировать? Предупре-

жду, мне не составит труда выяснить твой адрес. И тогда жди в гости. Поверь, одним свиданием в таком случае ты не отделаешься».

Максим в своем репертуаре. Раз гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе.

Быстро порхая пальцами по экрану, набрала ответ.

«Киры нет. Я за нее».

И минуты не прошло, как Максим продолжил переписку.

«Кира, хватит издеваться надо мной. Я начинаю считать, что ты получаешь от этого удовольствие».

Надо же какой догадливый!

«Я не получаю удовольствие» – коротко набрала я.

«Хочешь я это исправлю? Только попроси».

Что? Это он о чем? Перечитав переписку, расхохоталась. Какой же он предсказуемый! Так увлеченно печатала ответ, что неожиданно прозвучавший голос Воронцова испугал. Вздрыгнула и, по привычке быстро отвернув экран, посмотрела на начальника.

– Кира, я вел себя бестактно. Прошу простить за допрос. Просто вы напомнили мне кое-кого... В общем, я хотел сказать, что ценю вас, как работника. Вы выполнили мои поручения. Я уже посмотрел безупречно составленное расписание. Также я уже в курсе, что вы заходили в кабинет. Пиджак был на стуле, и мне неприятно, что вы увидели своего начальника в таком состоянии. Ночь выдалась бессонной, все изучал документы, присланные Медведевым.

Зачем он это говорит? Извиняясь, он так похож на хорошего, нормального человека, с которым хочется общаться. Я припомнила, как Кирилл Романович объяснял мне основы ведения работы с клиентом – ведь мы понимали друг друга практически с полуслова! И взгляды, которых придерживается Воронцов, мне близки...

Смотрела на начальника и понимала, что не врет. Правда работал с документами. А как же тогда мальчишник? Неужели ушел раньше времени, хотя не хотел?

– Я все понимаю, Кирилл Романович, – не кривила душой я. Правда понимала. Я отлично знала значение слова «надо». Когда все «хочу» уходят на задний план.

– Вы пообедали?

Моргнула. Он серьезно?

– Вижу, что нет. Кира, признаться честно, не хотел ставить вас в неловкое положение. И мои слова, сказанные в кабинете, были слишком резки, – надо же, не сказал, что ошибочны. Слишком резки. Надо запомнить. – Я заказал обед из кафе на пятом этаже с доставкой. Пожалуйста, примите мои извинения и не отказывайтесь.

Начальник криво улыбнулся.

– Но даже несмотря на то, что я вам сейчас сказал, знайте, что спуска я вам не дам. Тем более сейчас, когда «ЮрИнвестКомпани» дышит в спину. Поэтому просто заберите у доставщика пакеты и забудьте, что я к вам сейчас подходил.

Договорив, Воронцов зашел в кабинет и через несколько

мгновений вышел из него с дипломатом.

– Я вам не сказал, но переговоры было решено провести раньше. Сегодня я больше не вернусь в офис.

– Хорошо, Кирилл Романович, – заученно отозвалась я.

– И кстати, Кира. Спасибо.

– За что? – непонимающе склонила голову.

– Кофе был отвратительным. Но столовая ложка сахара, которую вы туда добавили, помогла взбодриться.

Сахар? Едва сдерживая смех, проводила Воронцова вымученной улыбкой и расхохоталась. Нет, иначе, чем везение, это не назовешь! Обед, кстати, действительно принесли и оставили на ресепшене. Лена позвонила по рабочему телефону и оповестила о сим приятном «сюрпризе». Наверное, впервые за сегодняшний день я была искренне благодарна Воронцову – никакой подлянки не оказалось. И, слава Богу, он заказал обычную еду, а не экстравагантные суши, которые я терпеть не могла.

Лена отдавала мне обед со странным выражением прищуренных глаз, будто уверенная, что я что-то скрываю.

– Этот изверг над тобой издевается! Ты теперь даже в кафе со мной сходить не можешь. Вот, Воронцов, а. Не-е-е, на улице я ему все выскажу!

– А почему на улице? – с ленивым интересом подняла глаза на Елену.

– На работе мы не родственники, – гордо вздернула нос она. – Видела когда-нибудь, чтобы так легко рвались род-

ственные связи?

Я хихикнула.

– Закономерно. Вряд ли бы Кирилл Романович как-то выделял тебя.

– Он скорее девку свою очередную генеральной назначит, чем меня по службе продвигать будет, – пожала плечами Елена.

Я и не моргнула глазом. Мне-то какая разница, кто там у него?

– А теперь колись, чего там у вас произошло.

Пришлось рассказать. Лена долго сохраняла серьезное выражение лица, силясь не расхохотаться. Но когда дело дошло до нравоучения Воронцова, она выпучила глаза, и плотину прорвало. Случайно проходившие сотрудники спешили поскорее избавиться от нашего общества – подозрительно косились и ускоряли шаг.

– Я не могу! У-у-у, – Лена откровенно выла, утирая слезы из глаз. – Ну ты даешь, Ржевская! Я так давно не смеялась!

– Леночка, солнце, успокойся, – приговаривала я, сама едва сдерживая смех от вида подруги.

– Не могу, – продолжала ржать Леденникова. – То-то он из кабинета почти не выходит сегодня. Бедненький.

– Лена, хватит! Не смешно!

– Не смешно? – подруга шмыгнула носом в манере, никак не подобающей леди. – Это уржаться, как смешно. Вы оба друг друга стоите!

Я прижала руку к лицу в популярном в сети жесте. Нет, я не могу это больше терпеть.

– Все, я пошла.

– Куда? – попыталась сделать серьезное лицо Лена.

– Туда.

– Куда туда?

– К себе, – закатила глаза. Это же меня в блондинку выкрасили, а не ее. А такое ощущение создается, что Лена экзекуции подвергалась.

– Иди, – улыбаясь, заявила Елена. – Вечером подбросишь? Понравилась мне твоя ласточка.

– Я на автобусе.

– Э–э–э?

– Машинка хочет кушать, – развела я руками. – Денежек тю–тю. Зарплата–то еще неизвестно когда.

Превращение хохочущей Леночки в серьезную Елену произвело на меня впечатление. Подруга подобралась, сморгнула выступившие в краешках глаз слезы и грозно взглянула на меня.

– А чего ты раньше не сказала? Пошли в бухгалтерию. Аванс пускай выписывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.